

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 63

«Академия и власть:

предварительные итоги лета-2013»

Москва ■

2013

Никитский клуб — клуб ученых и предпринимателей

НИКИТСКИЙ КЛУБ учреждён в июне 2000 года по инициативе учёных и предпринимателей, стремящихся объединить интеллектуальные силы России как активный ресурс развития страны.

ЗАДАЧА НИКИТСКОГО КЛУБА — создать междисциплинарный форум авторитетных представителей профессионального сообщества с широким гражданским взглядом на важнейшие проблемы России, помочь обществу осознать интересы страны и вытекающей из этих интересов политики в различных сферах деятельности.

Никитский клуб проводит цикл публичных дискуссий под общим названием «Россия в глобальном контексте». Стенограммы «круглых столов» цикла размещаются на web-сайте: www.nikitskyclub.ru, а также публикуются в выпусках Никитского клуба и распространяются по списку рассылки в правительственные, общественно-политические учреждения, предпринимательские организации, СМИ, библиотеки.

Название «Никитский» связано, с одной стороны, с местом рождения Клуба, с другой — отражает стремление его основателей к культурно-исторической преемственности. Современное здание Московской межбанковской валютной биржи (ныне Московская Биржа), при поддержке которой был создан и продолжает работу Клуб, находится в непосредственной близости к месту расположения в прошлом Никитского монастыря, основанного в XVI веке боярином Никитой Романовичем Захарьиным-Юрьевым. В районе Никитских улиц Москвы, получивших свое название от монастыря, в разное время жили выдающиеся люди России. В этой части исторического центра столицы находятся факультеты Московского университета, Консерватория, другие культурные и образовательные учреждения с историческим прошлым.

Основатель и президент Никитского клуба (2000–2012)

С. П. Капица (1928–2012)

Вице-президенты:

Олег Вьюгин, председатель Совета директоров ОАО «МДМ-Банк»

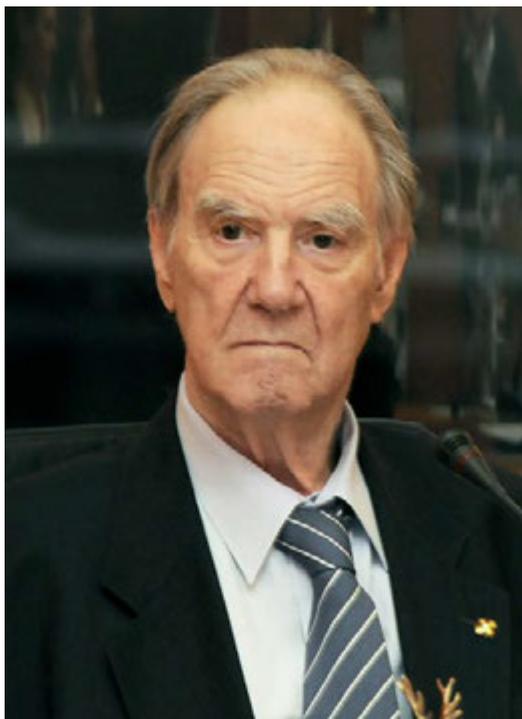
Александр Привалов, научный редактор журнала «Эксперт»

Наталья Румянцева, исполнительный директор НК

T: (495) 705–96–73

Ф: (495) 234–48–40

E: nikitskyclub@moex.com

Проф. Капица С. П.

«Последнее, о чём хотелось бы сказать, — это о роли Российской академии наук. Её принято критиковать, ругать, требовать роспуска с конфискацией имущества, даже высмеивать и ...завидовать. Однако такой институт совершенно необходим, несмотря на всё сказанное. В стране должен быть институт, на мнение которого можно опереться, и это одна из главных уставных обязанностей РАН. Это особенно важно теперь, в эпоху резких и непредсказуемых перемен. Какие бы тактические и сиюминутные соображения ни руководили властью, глубокое знание и объективное понимание происходящего в науке и обществе от независимой экспертизы совершенно необходимо и стране и власти. Необходима и полная ответственность в её организации при опоре на знания и моральный авторитет лучших умов страны, а для крупных проектов — и иностранных ученых. Что бы ни говорилось, другой такой организации в России нет, и речь может идти только об её омоложении, повышении статуса и требованиях к членам РАН».

Из статьи «Субъективные заметки об инновации». 2009 г.

<http://www.nikitskyclub.ru/article.php?idpublication=11&idissue=68>

Круглый стол
«Академия и власть: предварительные итоги лета-2013»

5 сентября 2013 года

Участники обсуждения:

Абрамов Александр Михайлович,
директор Московского института образовательных систем, член-корреспондент РАО

Бетелин Владимир Борисович,
Научно-исследовательский институт системных исследований РАН (НИИСИ РАН), академик, член Президиума РАН

Гавриленко Анатолий Григорьевич,
председатель Российского биржевого союза

Голубев Александр Владимирович,
руководитель отдела по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН

Гринберг Руслан Семёнович,
директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН

Дмитриева Оксана Генриховна,
первый заместитель председателя Комитета по бюджету и налогам Госдумы РФ

Егерев Сергей Викторович,
заведующий отделением Акустического института им. Н.Н. Андреева, генеральный директор АЦ «Ресурсы науки»

Иванчик Аскольд Игоревич,
научный руководитель Отдела изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, член-корреспондент РАН; заместитель председателя Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ

Захаров Александр Владимирович,
вице-президент ИК «Еврофинансы»

Зимин Дмитрий Борисович,
президент Фонда некоммерческих программ «Династия»

Левков Дмитрий Геннадьевич,
научный сотрудник Института ядерных исследований РАН (ИЯИ РАН), член Совета молодых учёных ОФН РАН

Мазурик Виктор Петрович,
доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ им. М.В. Ломоносова)

Механик Александр Григорьевич,
обозреватель журнала «Эксперт»

Москвин-Тарханов Михаил Иванович,
председатель Комиссии Мосгордумы по перспективному развитию
и градостроительству

Мясников Владимир Степанович,
руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН
РАН, академик РАН

Николаев Игорь Алексеевич,
директор департамента стратегического анализа компании ФБК

Паршин Алексей Николаевич,
заведующий отделом Математического института имени В.А. Стеклова,
академик РАН

Привалов Александр Николаевич,
вице-президент Никитского клуба, научный редактор
и генеральный директор журнала «Эксперт»

Полтерович Виктор Меерович,
заведующий лабораторией Центрального экономико-математического
института РАН (ЦЭМИ РАН),
президент Новой экономической ассоциации, академик РАН

Рогов Сергей Михайлович,
директор Института США и Канады РАН (ИКСАН), академик РАН

Сибиряков Сергей Михайлович,
старший научный сотрудник Института ядерных исследований
РАН (ИЯИ РАН)

Заседание вёл А. Н. Привалов, вице-президент Никитского клуба,
научный редактор журнала «Эксперт».

А. Н. Привалов

Добрый вечер, господа! Я с огромным удовольствием объявляю открытым первое заседание Никитского клуба в новом сезоне. Сегодня мы говорим на тему «Академия и власть: предварительные итоги лета 2013 года».

Если совсем быть честным и точным, то итоги лета ещё не подведены, они должны быть подведены буквально со дня на день. Я полагаю, в течение недели или двух какая-то первоначальная стадия определённости настанет. И сегодня мы будем делиться скорее прогнозами этих быстроожидаемых итогов — прогнозами, точность которых мы вскоре сможем оценить. Зато надо сказать, что вполне уже подведены, тремя чертами подведены, итоги **начала** лета 13-го года, и надо прямо сказать, что они катастрофичны.

Спецоперация не по реформированию, конечно, а по разгрому Академии в начале лета удалась лишь почти, она всё-таки не была доведена до щелчка, до невозврата. Но зато уже успела вполне продемонстрировать степень если не враждебности власти к науке, то её крайней незаинтересованности в науке, что само по себе невесело. Все здесь собравшиеся прекрасно знают, и нет нужды, наверное, на этом останавливаться, что в известной степени в подготовке плацдарма, в подготовке обстановки для этой спецоперации, конечно, виновата и сама Академия наук. Потому что в позе противотанкового ежа можно простоять день, можно простоять два, а простоять 20 лет — это безнадёжно.

Академия действительно слишком долго отвечала «без вас разберёмся» на даже более или менее добросовестные в отличие от нынешнего лета попытки говорить о каких-то переменах, и это было не очень хорошо. Но вина самой Академии на фоне того, что происходит сейчас, уже потерялась, на мой взгляд. Говорят, что вот, конечно-конечно, реформой фундаментальной науки в России должна была бы заниматься сама Академия, но она себя так дискредитировала, так дискредитировала...

Господа, кто это говорит? Да, мундир Российской академии наук не без пятен, но рядом с мундиром Министерства образования и науки это абсолютно белый, с иголки фрак. За все годы, что это замечательное министерство реформирует подведомственные ему сферы национальной жизни, у них не было ни одного успеха. Все, что они делают, — это провалы. Они все это считают успехами, но ей Богу же, только они. Профессиональные реформаторы — это у нас в стране уже почти такое же ругательство, как эффективный менеджер, а скоро будет такое же.

При всей печальности событий начала лета я бы хотел отметить, что эти события всё-таки принесли три хороших результата, которые приятно хотя бы перечислить. Первый результат — в какой-то степени, на мой взгляд, недостаточно, но хоть в какой-то степени они разбудили общественное

А. Н. Привалов

мнение по поводу науки в России. Про науку давно не разговаривали — заговорили. И этот разговор оказался на диво благожелателен к Академии. Вот только что опубликованы результаты социологических исследований, проведённых РОМИРОм. Из всех лиц и организаций, о доверии к которым спрашивали респондентов, на первом месте оказалась Российская академия наук: ей вполне или отчасти доверяют 67%. Российская академия наук возглавляет первый тандем: 67% — РАН, 66% — Русская православная церковь. От них отстаёт второй тандем: 63% — президент, 62% — армия.

Отмечу, что впервые за всю историю новой России на первом месте по доверию оказался не президент, а на первом месте по доверию оказалась Российская академия наук. Если вы позволите мне сделать летучее обобщение, то эти самые четыре лидера общественного доверия — это ровно те лица и структуры, которые в общественном мнении не связываются с пошлой и не всегда честной дешёвой бухгалтерией, с тем, что у нас в стране почему-то называется эффективным менеджментом. И то, что президент отдал первое место по доверию, переместился на третье,

на мой взгляд, прямо связано с тем, что все понимают: именно он дал много воли эффективным менеджерам. Если бы теперь Академия ещё научилась общаться с публикой, — она последние 300 лет этого не делает, — вот если она бы сейчас научилась общаться с публикой и подхватила благожелательный к себе интерес, это было бы очень хорошо.

Второе позитивное следствие скандала конца июня — начала июля заключается в том, что эти скандалы показали — я высказываю своё личное мнение — неожиданно низкий уровень сервильности и неожиданно высокий уровень солидарности учёных. И то, и другое было неожиданно и радостно. Я ведь за сферами, реформируемыми Минобром, слежу давно и внимательно. Вот педагогическое сообщество глотает все. По старинному советскому анекдоту они всё время спрашивают: «Верёвку с собой приносить?», и всё время приносят. Научное сообщество оказалось жесточе, и это хорошо и радостно. И Клуб «1 июля» — это хорошо. И прошедшая на этих выходных конференция (я надеюсь, сегодня мы услышим о ней) — это хорошо. Дай Бог и дальше так.

Ну и, может быть, главное позитивное следствие того, что мы наблюдали в начале лета, — это то, что всякому непредубеждённому или мало предубеждённому наблюдателю, как мне кажется, стала понятна феерическая бездарность людей, которые испекли этот самый законопроект о реформировании Академии наук. Читая этот проект, слушая, какими словами его сопровождали, можно только плечами пожимать: там нет **ничего**. Наука в стране и как таковая, и как центральный элемент триады «образование — наука — экономика» находится в ужасающем состоянии; во многих аспектах она при смерти. И при этом единственной темой разговора, которую эти люди сочли важной и достойной, оказалось управление недвижимостью, принадлежащей институтам Академии наук.

Это даже не смешно, это как-то уже катастрофично. Кроме доступа к уху, у них нет ничего, у них нет ни стратегии, у них нет ни видения, у них нет ни понимания масштаба проблем — просто ничего! И это, кажется, довольно существенно. По крайней мере, если есть какие-то надежды на то, что ситуацию удастся переломить к лучшему, то они в значительной степени основываются на том, что реформирующей стороне катастрофически нечего сказать. Ну и, наверное, ещё на одном, что уже стало банальностью за последние два месяца. Наверное, можно спорить, и будут спорить, и хорошо, что будут спорить, — больше грантовой системы, меньше грантовой системы, мегагранты, мегасайенсы, лаборатории, институты — обо всём этом можно спорить. Но о том, что сама процедура внесения и пропихивания законопроекта была абсолютно неприемлема, что она непристойна, — об этом спорить нельзя. А поскольку мы тут все люди учёные

(учёные — в смысле в советских университетах учились), мы всё знаем, что форма существенна, а сущность сформирована, то это тоже даёт некоторую надежду на перелом ситуации.

И, может быть, последнее, что я хотел бы сказать перед началом нашего обсуждения. Как ни скандальна реформа Академии, как ни бросается она в глаза своими абсолютно недопустимыми элементами, она — сестра-близнец, она ничем сущностным не отличается от реформ, прошедших гораздо дальше, — от реформы здравоохранения, от реформы образования. Это всё делается точно по таким же рельсам, точно с таким же уровнем глубины. Везде разговор идёт о переходе от содержательных проблем к формальным. Везде разговор идёт о бухгалтерии, причём о бухгалтерии не стратегической, даже не среднесрочной, а о бухгалтерии сиюсекундной. Везде разговор переходит от миссии, от задач — к услугам. Нет никакого сохранения нации, есть медицинские услуги. Нет никакого формирования нации, просвещения нации, есть образовательные услуги, ритуальные услуги, сексуальные услуги, вот теперь и научные услуги. Это всё должно приносить бабло, это всё должно обсчитываться в бухгалтерских терминах эффективного менеджмента. И ничего другого не существует. Так что в этом смысле, как ни печально научному сообществу, ничего нового на них не опробовали, работает на них всё тот же самый подход.

О чём мне хотелось бы призвать сегодня поговорить — о трёх слоях вопроса. Я их вижу так: опять же короткий, средний, длинный. Короткий я бы сформулировал следующим образом: есть ли шансы этот законопроект, прошедший уже, как мы знаем, два чтения, просто отозвать? Потому что другой вариант, который возможен и который, наверное, более вероятен — обсуждать отдельные поправки, — для учёных практически безнадежен: обманут; запутают и обманут. По части образования Минобр это делал уже десятки раз, это проверенная практика, они это умеют. Поэтому вопрос № 1: как бы от этой субстанции — от этого текста совсем избавиться и начать его обсуждение заново, и можно ли это сделать? Это узкотактический, первый слой разговора, который всё-таки, мне кажется, сейчас очень полезен.

Второй слой — среднесрочный. Если, — а я, к сожалению, думаю, что это более вероятно, — если этот текст с поправками теми или иными всё-таки пройдёт, — как минимизировать и как, может быть, по истечении некоторого времени восполнить предстоящий от этого ущерб тому, что осталось от российской науки?

И вопрос третий, несомненно, более важный, чем оба первые, но сейчас заслонённый ими: что на самом деле нужно делать? Потому что наука для большой страны, которая рассчитывает сохранить какое бы то ни было самостояние, так же необходима, как дыхание и хлеб. И разговоры о том,

что какой-то реформатор что-то написал не так, не отменяют необходимости ответить на вопрос, как на самом деле нужно устроить науку в России. Поэтому призываю сегодня выступающих в меру текущих интересов уделять внимание и первому, и второму, и третьему слою.

У нас сегодня предусмотрено три первоначальных выступления. Академик В.М. Полтерович, который должен был выступить первым, стоит сейчас в пробке и опаздывает. Поэтому начнёт другой докладчик, но всё равно все трое высказутся. Первоначальным докладчикам предложено дать примерно по 15 минут времени. И пока они говорят, я просил бы тех, кто захочет высказываться после окончания трёх докладов, подавать записки.

Аскольд Игоревич Иванчик, член-корреспондент Российской академии наук, прошу Вас!

А. И. Иванчик, *главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заместитель председателя Совета по науке при Министерстве науки и образования*

Я вкратце расскажу о Конференции научных работников Академии, которая прошла на прошлой неделе. Напомню немного историю, как она собиралась, цели конференции и то, как она, на мой взгляд, повлияла на общую ситуацию.

Законопроект реформирования Академии, как известно, неожиданно появился 27 июня. Неожиданно для всех, включая и руководство Академии. Возможно даже, что и для самого Ливанова, во всяком случае, он на это намекал. Протесты против законопроекта начались немедленно, уже вечером того же числа. Против законопроекта высказался Совет по науке при Министерстве образования, то есть тот Совет, который вроде как должен был советовать Ливанову, но с которым тоже никто не проконсультировался. В тот же день начались протесты и институтов Академии. Например, Нижегородский научный центр выпустил решение, осуждающее этот законопроект, вечером того же дня. Затем последовали один за другим протесты различных институтов, и особенно научных центров и отделений Академии — Сибирского отделения, Дальневосточного и Уральского.

1 июля ряд академиков и членов-корреспондентов Академии по инициативе академиков Захарова [Владимир Евгеньевич, заведующий сектором математической физики, Физический институт имени П.Н. Лебедева, академик РАН] и Рубакова [Валерий Анатольевич, главный научный сотрудник ИЯИ РАН, академик РАН, заместитель академика-секретаря Отделения физических наук РАН] объявили о том, что они откажутся вступать в новую Академию, если она будет создана в том виде, в каком это предусматривал законопроект.

Так появился уже упоминавшийся сегодня Клуб «1 июля». Впоследствии к нему присоединилось ещё некоторое количество членов Академии. Сейчас в Клубе состоят 74 человека. Но «состоят» — не совсем верное слово. Клуб не формализован, это просто объединение единомышленников. Лица, подписавшие это письмо, собрались и стали думать, что делать дальше.

Первой мыслью было срочно собрать Общее собрание Академии, но поскольку созыв Общего собрания — прерогатива Президиума РАН, было непонятно, насколько Президиум на это согласится. И было довольно долго непонятно, поэтому было решено направить свою активность не на сбор Общего собрания, чем должен заниматься Президиум, а заменить его Конференцией научных сотрудников, на которой были бы представлены не только члены Академии, но и рядовые сотрудники, собственно, те, кто занимается наукой в первую очередь. Как сказал один из членов этого клуба, академик Нигматуллин, — «научный пролетариат».

Времени было очень мало. Вы понимаете, что собрать представительную конференцию в короткие сроки непросто. Всего за месяц удалось создать и веб-сайт, провести всю огромную организационную работу. Это было сделано благодаря энтузиазму молодых сотрудников, в основном работающих в Институте, где директорствует академик Кулешов [Александр Петрович Кулешов, директор Института проблем передачи информации им. А. А. Харкевича (ИППИ РАН), академик РАН].

В результате для участия в Конференции зарегистрировались около 3000 человек. Присутствовали примерно 2200 человек, они представляли практически все или подавляющее большинство институтов Академии из всех регионов. По статистике — из 134 населённых пунктов. И конечно, были представлены все отделения Академии и все возрастные категории — от аспирантов до академиков.

Задачи и цели Конференции были поставлены следующим образом: во-первых, сформулировать и выразить своё отношение к законопроекту, и, во-вторых (что не менее важно — с самого начала была поставлена такая цель), предложить свои варианты реформирования Академии.

Здесь я замечу, это ни для кого не секрет, что в Академии всегда было и есть, грубо говоря, два крыла — консерваторы и реформаторы. Консерваторы считают, что в Академии всё хорошо, проблем нет, их лозунг — «дайте нам денег и оставьте нас в покое». Второе крыло — это люди, которые видят проблемы в Академии и готовы их решать. С избранием академика Фортова президентом РАН это второе крыло, казалось бы, победило.

Практически все, кто активно участвовал в сопротивлении законопроекту, принадлежат к реформаторскому крылу. Таким образом, то, что целью этой Конференции было не только осуждение законопроекта,

А. И. Иванчик

но и формулирование внятной альтернативы ему,— это достаточно важно.

Самые главные результаты, которые продемонстрировала эта Конференция, на мой взгляд, следующие. Во-первых, Конференция показала способность научного сообщества в России к самоорганизации в короткие сроки и очень эффективно. Конференция была организована «снизу». Во-вторых, она показала высокий уровень консолидации в научном сообществе. Реформаторы, группировавшиеся вокруг министра Ливанова, делали ставку, с одной стороны, на раскол по линии «академическое начальство — научные сотрудники», с другой — по линии «молодёжь — старики» и т.д. Все эти надежды не оправдались, никакого раскола не произошло, а, наоборот, произошла такая довольно неожиданная, может быть, для многих консолидация: научное сообщество выступило единым фронтом. Представителей сообщества, выступившего в поддержку ливановской реформы, можно, пожалуй, пересчитать по пальцам одной руки.

Наконец, третий результат конференции — это то, что председатель нашего собрания уже упоминал: впервые, наверное, за последние 20

лет, если не больше, проблемы науки и проблемы Академии оказались в центре внимания СМИ. Раньше эти проблемы если и привлекали внимание прессы, то либо в связи с какими-то скандалами, либо в связи с получением Нобелевской премии. На телеэкранах в основном господствовала лженаука. И в большинстве популярных изданий, таких как, например, «Коммерсант», даже и отделов науки, собственно, не было, наука проходила по разряду «Общество». Конечно, здесь есть и вина самой Академии, пресс-служба Президиума работала и работает из рук вон плохо. Все журналисты, которые пытались с ней сотрудничать, я думаю, это подтвердят.

Но не всё хорошо и со стороны СМИ. Скажу из своего опыта. Где-то год или полтора назад мне нужно было осветить некую проблему научного характера, и за это взялись журналисты «Коммерсанта». Но в это время произошла драка футбольных болельщиков, и все корреспонденты были переключены на эту гораздо более важную вещь. Для всех журналистов было очевидно, что это более существенный информационный повод. Поэтому третий важный результат — это то, что произошло такое сближение журналистов и общества (потому что уши общества — это журналисты), сближение журналистов и научной общественности.

Было бы очень жаль, если эти достижения были бы утрачены или как-то сошли на нет. А такая опасность, конечно, есть.

И последнее. Все, наверное, знают вчерашнюю новость: президент Путин заявил, что президент РАН Фортков приезжал к нему с поправками, и он согласился со всеми поправками, кроме одной. Определённый оптимизм, конечно, это заявление внушает, но что оно означает на самом деле — мы узнаем только после того, как Дума примет закон, и в какой мере там действительно будут учтены поправки.

А. Н. Привалов

А не было оглашено, какую поправку президент не принял?

А. И. Иванчик

Да, он сказал, что нынешние президенты Медицинской и Сельскохозяйственной академий не должны сохранять статус президентов, а должны называться вице-президентами. Но при этом ничего не сказал о слиянии трёх академий. А одна из важнейших поправок Президиума состоит как раз в том, что слияние не происходит, а все три академии сохраняют юридические статусы с отдельными бюджетами.

Эта фраза допускает противоположные толкования, и, конечно, эти толкования будут предложены и той, и другой стороной. Это значит, что ничего не решено. Ну, или мы не знаем, что решено. Так что даже при самом лучшем

развитии событий, даже если действительно закон этот будет принят с теми поправками, которые внёс Президиум,— для эйфории всё равно здесь особого места нет. Те, кто предлагал эти реформы и проводил их (естественно, это не только Ливанов),— все они остаются при власти на своих местах.

Мы знаем, что это не первая попытка атаки на Академию, и конечно, эти попытки будут повторяться. И за то время, которое при лучшем развитии событий есть у Академии, она должна продемонстрировать способность к самореформированию. Потому что если при следующей такой попытке выяснится, что ничего не произошло,— никаких аргументов в свою пользу у Академии уже не будет.

Есть такой расхожий аргумент, псевдонаучный, что ни одна система не способна к самореформированию изнутри, поэтому, мол, Академия не может себя реформировать, это должны быть внешние реформаторы. Аргумент, вообще-то, довольно абсурдный, потому что если это так, то и никакое государство не способно к внутреннему самореформированию, и тогда все реформы должны происходить только в результате внешнего завоевания. Такие примеры, конечно, есть: в Германии в 45-м году были проведены реформы. А примеры самореформирования всё-таки нам известны. Кажется, наши власти собираются проводить внутренние реформы без завоевания, без сдачи каким-то внешним врагам.

Как я уже сказал, если не будет никаких изменений, главная сила протестов и главная сила, которая поддерживала Президиум,— это реформаторы и те активные научные сотрудники, которые видят проблемы внутри Академии. Если всё останется по-прежнему, если их голос не будет услышан, то есть большие сомнения, что в следующий раз они опять вступятся за Академию. Поэтому здесь очень важно, так сказать, не почивать на лаврах, даже если удастся этот этап, этот раунд борьбы выиграть.

Что касается трёх вопросов, которые затронул наш председательствующий. Возможен ли отзыв закона? Я думаю, что невозможен. Вот и Путин прямо об этом говорил — что можно обсуждать содержание закона, но закон будет принят. Значит, как минимизировать последствия этого закона? Отчасти, если удастся провести всё-таки те поправки, которые предложил Президиум,— это довольно сильно минимизирует вред от этого закона. Конечно, не сведёт его полностью на нет, но всё-таки есть надежда, что как-то с ним можно будет жить. А дальше, конечно, будет разработка подзаконных актов и прочее. Борьба будет продолжаться. Здесь, правда, у чиновников естественное преимущество: они могут вписать в подзаконные акты такое, что не обрадуешься.

Ну, а что надо делать и как реформировать Академию? Собственно, весь второй день Конференции, которую я упоминал, был посвящён

обсуждению именно этого вопроса. Было предложено несколько проектов, проработанных с разной степенью детальности. Президиум Академии тоже разрабатывает собственные проекты, которые не вполне совпадают с теми, что были предложены Конференцией. Но я очень надеюсь, что после Общего собрания, которое состоится 9 сентября, Президиум всерьёз займётся реформированием и учтёт разные предложения, сформулированные научной общественностью.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Да, опубликованы рекомендации, которые приняла конференция. Не вдаваясь в подробности, сказал бы, что всё-таки феноменально, что лавинающая доля этих поправок так или иначе говорит о бóльшей открытости, о демократизации, о бóльшем научно-общественном контроле того-сего, пятого, семнадцатого. А добрые люди, которые ратуют за открытое правительство, за прогресс, за модернизацию, — они всё отдают чиновнику и всё делают тихо.

Следующее слово я предоставляю добравшемуся до нас академику Полтеровичу. Виктор Меерович, прошу Вас!

В. М. Полтерович, *заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН, президент Новой экономической ассоциации, академик РАН*

Мой доклад немного эгоистичного свойства. Понятно, эта реформа вызывает бурные эмоции, но у меня есть ещё и профессиональный интерес как у человека, который долгое время занимался разнообразными реформами.

Пожалуй, я впервые столкнулся с реформой, которая нарушает все принципы соответствующей теории. Этот случай важен как демонстрация острой необходимости реформировать российскую систему подготовки и осуществления реформ. Такая система должна минимизировать вероятность принятия законов, преследующих сиюминутные политические цели и узкогрупповые интересы вопреки интересам большинства или в ущерб долгосрочным задачам развития страны.

Я буду рассматривать в основном три вопроса. Какими мотивами руководствовались российские власти, внося в Думу проект закона о Российской академии наук? На какие общественные силы они при этом опирались? И закончу я общими соображениями относительно того, как в принципе следовало бы разрабатывать проект реформы РАН.

Несколько слов о предыстории. В марте 2004 года А. Фурсенко был назначен министром [образования и науки], и довольно быстро последовал первый проект реформы, предусматривавший сокращение финансируемых

учреждений науки до 200 «технически оснащённых центров». При этом предполагалось, что остальные перейдут на контракты с бизнесом, заказывающим научные разработки конкретному учреждению. В 2006 году последовала эскалация конфликта.

Здесь я ссылаюсь на сообщение газеты «Коммерсант», потому что соответствующих открытых документов, насколько я знаю, нет. «Коммерсант» оказался довольно информированным. Он пишет о том, что готовится проект ликвидации РАН как монополиста научной отрасли, Академия должна превратиться в клуб, лишённый права на управление имуществом и финансами. Здесь же звучит идея федерального агентства (рис. 1, 2).

Мы видим, что, по существу, в 2006 году был предложен идейно ровно тот самый проект, который в 2013 показался почему-то неожиданным. Более того, обвинения, выдвинутые в 2006, те же, что и в 2013. Академия, по сведениям «Коммерсанта», названа «квазиведомством» и «обособленной от проблем общества, политизированной, — я прошу обратить внимание на это слово, — распределительной корпорацией, которая заботится не об исследованиях, а о комфортном существовании» (Юлия Татратута. Коммерсант-Ъ, 2006).

Здесь два обвинения. Политизированность и неэффективность. Политизированность — что бы это значило? На самом деле, это действительно значимое слово.

В 2006 году проект был предложен, а потом отвергнут, но за счёт компромисса. А компромисс этот предусматривал некоторые обязательства, которые, по-видимому, не были выполнены. Вот что опять пишет «Коммерсант»: *«Российская академия наук вчера выбрала президента — им стал Юрий Осипов... академики подвели черту под двухлетними боями с правительством, одержав тактическую победу ...Впрочем, стратегические прогнозы на будущее РАН могут оказаться неутешительными»*. Как бы в пояснение этого тезиса (обратите внимание!) *«...информированный источник Ъ... назвал происшедшее «нарушением бизнес-договоренностей», которое редко прощается»* (Юлия Татратута. Коммерсант-Ъ, 2008). В чем, собственно, было нарушение бизнес-договоренностей, я скажу позже, но это и так более или менее ясно.

Давайте рассмотрим аргументы, которые выдвинуты авторами реформы в качестве обоснования самой реформы. Есть два аргумента: 1) РАН не эффективна и 2) предлагаемая реформа будет способствовать повышению её эффективности. Что значит РАН не эффективна? На самом деле, нет сколько-нибудь проработанных документов, исходящих от правительства, которые как-то обосновывают этот тезис. Пожалуй, чуть ли ни единственная сколько-нибудь последовательная работа, где содержатся какие-то данные,

В. М. Полтерович

это известная статья С. Гуриева, Д. Ливанова и К. Северинова в «Эксперте» в 2009 году [«Шесть мифов Академии наук». Эксперт № 48/14 декабря 2009.], где даётся сравнение разных академий наук — РАН, Китайской академии наук и ряда западных научных комплексов (рис. 3).

По поводу сравнения с Китаем у меня два замечания. Во-первых, когда рассматривалась Академия наук Китая, не была учтена, так сказать, гуманитарная часть. Во-вторых, в Китае не было кризиса 1990-х годов. Я консультировался со специалистами, которые твёрдо утверждают, что зарплата в науке в Китае выше средней. Кроме того, Академия наук Китая устроена примерно так же, как Российская академия наук. И то, что она добилась больших успехов (давайте предположим, что это так), свидетельствует о том, что нынешняя структура РАН не препятствует дальнейшему увеличению эффективности. Значит, видимо, надо снять какие-то ограничения, и тогда можно будет добиться значительно большего.

Ну, а когда РАН сопоставляется с сектором высшего образования России, эти же авторы пишут очень странную для меня вещь: «Исключены

①

2.Предыстория реформы РАН-1

Март 2004 г.: А. А. Фурсенко - министр. Первый проект реформ: сокращение финансируемых государством учреждений до 200 "технически оснащённых, эффективных научных центров", остальные - переход «на контракты с бизнесом, заказывающим научные разработки конкретному учреждению» (Юлия Таратута. Коммерсантъ-Деньги, 20.12.2004)

4

②

Основные положения проекта 2013 г. Выдвинуты в 2006 г.

- ...готовится проект ликвидации РАН как монополиста научной отрасли. Академия может быть преобразована в "Клуб учёных", лишённый права на управление имуществом и финансами. ...Полномочия учредителя научных институтов...должны перейти к Федеральному агентству (Юлия Таратута. Коммерсантъ, 23.06.2006).**

5

публикации исследователей, совмещающих работу в РАН и вузах». Не совместные статьи исключены, а вообще публикации исследователей, совмещающих работу! Но доля преподающих сотрудников РАН гораздо выше доли преподавателей вузов, работающих по совместительству в Академии. Потому это сразу ставит под сомнение все приведённые цифры.

Кроме того, если мы будем ориентироваться на цифры, которые появились в печати (они были известны), получается, что РАН, по крайней мере по сравнению с нынешним сектором образования, гораздо эффективнее. По этому поводу есть работы А. Варшавского, доклад В. Костюка, заметка Г. Мачавариани (рис. 4, 5, 6).

Таким образом, одна из основных идей Минобрнауки — немедленный переход к вузовской системе организации науки — не подтверждается данными. И, в общем-то, есть резонный аргумент против этого, поскольку у нас в вузах непомерная преподавательская нагрузка. Более того, сейчас, когда происходит реформа вузов, преподавательская нагрузка там резко растёт, и ясно, что заниматься при этом научными исследованиями достаточно тяжело.

Я не сказал о сравнении РАН с научными комплексами Франции и Германии, об этом пишут авторы упомянутой статьи. Сравнения в этой статье тоже неочевидные. Потому что если мы переходим к показателю количества работ или даже цитируемости — не на одного сотрудника, а на миллион долларов, — то здесь мнения противоречивые. По многим расчётам получается, что РАН опережает наших конкурентов в этих странах.

Выходит, что у Минобрнауки нет идеи повышения эффективности научно-исследовательских работ, и проект закона это демонстрирует. На самом деле он направлен на централизацию управления институтами. И речь идёт, как здесь уже говорили, не только о собственности, но и о назначении директоров институтов, о выборе тематики исследований, о распределении средств. Сами механизмы управления не рассматриваются, министр демонстративно приступил к их разработке только после принятия закона во втором чтении.

Нет никаких оснований предполагать, что передача функций управления от чиновников Академии правительственным чиновникам приведёт к увеличению эффективности. Во-первых, мы знаем, что все проводимые министерством реформы не эффективны. Значит, в первую очередь требуется реформа самого министерства, и притом коренная. Кроме того, имеются фактические данные об эффективности подобных преобразований. Судьба Института теоретической и экспериментальной физики РАН (ИТЭФ РАН) — это чистый эксперимент по передаче функций управления от академических людей чиновникам. Есть целый ряд публикаций, свидетельствующих

③

Сравнение эффективности: Гуриев, Ливанов , Северинов (Эксперт, 2009)

- Сравнивается РАН и АН Китая
- Количество институтов 479 ; 108*
- Количество сотрудников 96 970; 58 000
- Количество исследователей 56 760; 39 000
- Кол. публ. Scopus (03–07 г.) 81 075; 109 727
- Кол. публ. на 1 исследов. 1,43; 2,81

*«Гуманитарная» часть АН Китая была отделена ранее.

-
- АН КНР – не учтена «гуманитарная часть»; не было кризиса 90-х (зарплата выше средней – Л.Э.Миндели); свидетельство того, что у РАН есть потенциал роста эф-ти

④

А.Е. Варшавский (2010)

- «РАН опережает Общество Макса Планка и CNRS по числу статей в расчете на 1 млн долл. затрат по ППС на ИР, а по числу статей на одного исследователя – находится на втором месте. По числу ссылок в расчете на 1 млн долл. затрат на ИР РАН лишь немногим уступает CNRS, хотя этот показатель у обеих организаций значительно ниже, чем у MPG. Число ссылок на одного исследователя у РАН существенно меньше. Но по числу статей за последние десять лет в расчете на 1 млн долл. годовых затрат на ИР по ППС РАН находится на первом месте, а по числу ссылок в расчете на 1 млн долл. опережает США, Японию и многие другие страны и соответствует уровню Канады».

12

о результатах такой реформы. Директор, по мнению сотрудников института, не способен руководить институтом «в силу своего интеллектуального уровня и административного опыта». В результате «убийственной для науки политики», как пишет А. Ростовцев [доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией физики элементарных частиц ИТЭФ], только за последний год число работ учёных этого института сократилось более чем вдвое, уменьшилось число научных семинаров, во много раз сократилось число докладов, сделанных на конференциях.

Таким образом, мы видим, что причины для реформы, выдвигаемые министерством, таковыми быть не могут, поэтому хотелось бы понять, каковы же они на самом деле. В чём, собственно, причина такого «реформирования» Российской академии наук? Здесь стоит обратиться к истории Российской академии наук.

Надо сказать, что ещё при советской власти в Российской академии наук были очень сильны оппозиционные настроения. Если говорить об идеологии, то, с одной стороны, существовали люди, которые обеспечивали в гуманитарных областях идеологическое обоснование политики партии. А с другой — было целое направление, которое развивало совсем другую теорию, поддерживало, в частности, идеи рынка и демократии.

Я работаю в ЦЭМИ [Центральный экономико-математический институт РАН] с 1966 года. Могу сказать, что в каком-то смысле это был оазис интеллектуальной свободы, где можно было говорить более или менее обо всём. Первые реформаторские правительства в большой мере состояли из недавних сотрудников РАН. Не буду перечислять, но значительное число министров и их замов происходило из того здания, в котором сейчас находится ЦЭМИ. Гайдар, кстати, был аспирантом академика Шаталина¹.

По сути, новые руководители страны поверхностно усвоили идеи, которые развивались экономистами старшего поколения и, как это часто бывает, радикализировали их, пошли по пути шоковой терапии. И тут же получили протест со стороны академиков, которые несопоставимо лучше знали реалии и осознавали границы возможного. Тем самым начался новый этап противостояния правительственной элиты и Академии наук.

Очень характерным эпизодом в этом противостоянии был союз между «косными», извините меня, академиками и нобелевскими лауреатами, который, казалось бы, возникнуть не мог. Тем не менее, он возник в рамках EconomicTransitionGroup, которая опубликовала манифест

¹ Шаталин Станислав Сергеевич (1934–1997) — ученый-экономист, общественный деятель, академик АН СССР/РАН, заместитель директора ЦЭМИ АН СССР в 1965–1976 гг.

⑤

В.В. Костюк: Отчетный доклад, 2013

- **Доля РАН - более 55% публикаций. Кроме того, более 30% публикаций университетов выполнены в соавторстве с учеными РАН. «Это свидетельствует о том, что сегодня РАН является наиболее эффективной организацией науки в Российской Федерации. И задача повышения эффективности науки сводится не к тому, чтобы устраивать бессмысленную «конкуренцию» между вузами и академией, а к тому, чтобы создать единое научно-образовательное пространство с использованием наиболее эффективных механизмов управления».**

11

⑥

Г.И. Мачавариани, 2013

- **По различным оценкам, в том числе Минобрнауки, на РАН приходится от 50% до 60% всей продукции российской науки. Если исходить из минимальной оценки в 50%, то получается, что каждый исследователь РАН в шесть раз продуктивнее, чем остальные исследователи России (14,33% исследователей – 50%, на остальных 85,67% - те же 50% продукции)**

13

о необходимости отказа от шоковой терапии. Состав этой группы расширялся. Назову фамилии участников с западной стороны: Эрроу, Кляйн, Тобин, Леонтьев, Стиглиц, Норт, Модильяни. Это потрясающие имена — имена, которые вызывают уважение у любого экономиста в мире. Ну, а со стороны России — ряд специалистов, которые либо тогда уже были академиками, либо стали академиками позже. Эта группа продолжала работать, издала сборник статей сначала на русском, потом на английском языке.

Приблизительно с 1996 года начался решительный поворот в отношении широкой массы западных экономистов к российским реформам и вообще к шоковым реформам. После кризиса 1998 года меняется и экономическая политика России, но шоковая терапия, решительно отвергнутая и теоретически, и практически во всём мире, у нас всё ещё остаётся одним из типичных методов проведения реформ. Среди правительственных экспертов по-прежнему преобладают сторонники этого подхода.

Надо сказать, что все реформы, основанные на шоковой терапии (монетизация льгот, введение накопительной пенсионной составляющей, аукционная система госзаказов, введение плоского подоходного налога и единого государственного экзамена), были проведены правительством при полном игнорировании фундаментальных рекомендаций теории реформ. И всегда во время совместных заседаний правительственных экспертов и представителей Академии возникали резкие разногласия.

Характерно, что среди совсем немногих людей, поддержавших первый вариант ливановской реформы, есть очень известные люди, в определённом смысле возглавлявшие шокотерапию, — Владимир Мау и Евгений Ясин. Я, честно говоря, не понимаю, как они могли поддержать этот проект. Даже если они согласны с его содержанием, их должно было возмутить то, как этот проект был подан. Проект явно оскорблял академическое сообщество. Надо сказать, что Сергей Алексашенко [директор по макроэкономическим исследованиям Высшей школы экономики], кажется, сторонник тех же (или, по крайней мере, близких) взглядов заявил, что с таким методом проведения реформ он не согласен.

В общем, у меня нет решающих аргументов против гипотезы о том, что авторы шокотерапии, по крайней мере часть из них, стремятся, наконец, продемонстрировать работоспособность предпочитаемого ими метода.

Есть ещё одна группа людей, далёких от общественных наук, которые искренне не понимают сложностей реформирования, считая, что слепое копирование западных механизмов может привести к успеху. Это, собственно, одна из главных (ложных) идей шокотерапии.

Я думаю, что одна из причин столь радикального подхода Минобрнауки к реформе РАН состоит именно в том, что академическое сообщество,

оппонируя правительству, тем самым демонстрировало свою самостоятельность и независимость от власти. Мы знаем, что Общее собрание РАН плохо управляемо, а это не могло не раздражать. Следствие двадцатилетней войны министров науки с Академией — чудовищно низкие зарплаты учёных, особенно молодых, отток их в бизнес и за границу, старение исследователей. Ну а финансовый голод, конечно, приводит к неприятным последствиям — к искажениям при присвоении степеней и званий, при выборах в члены Академии. Разросся рынок диссертаций, возникший ещё в советские времена. Когда речь идёт о плагиате, неточно определяется само явление. Люди, обвиняемые в плагиате, часто в этом совершенно «неповинны»: они просто заказали свои диссертации, а те, кто работал на них, обманули заказчиков — вместо того чтобы писать самим, копировали тексты из Интернета.

Несмотря на то, что со стороны власти, со стороны газет шла систематическая критика Академии, престиж учёного остался достаточно высоким. Если мы сравним опросы населения в 1993 году и совсем недавние опросы в 2013 году, то увидим, что всюду на первом месте или, по крайней мере, на первых местах по престижу стоит учёный, а на последних — госслужащий и политик.

После нарушения «бизнес-соглашения», о котором я упомянул в начале, мы наблюдаем политику подавления Академии путём недофинансирования; ассигнования на гражданскую науку росли, а доля РАН при этом постоянно уменьшалась: с 41% в 2008 году до 20% в 2012 году. Фактически ассигнования на Академию падали, если учитывать инфляцию. До сих пор оплата научных сотрудников чрезвычайно низка. Например, в Москве, где работает 30% всех сотрудников, зарплата учёных составляет менее 70% от средней по столице.

Хочу подчеркнуть, однако, что причина спецоперации [законопроект о РАН], указанная выше, не единственная, и, наверное, её одной было бы не достаточно. Есть другая причина.

Дело в том, что концепция большого скачка доминирует в умах правительственных чиновников не только в отношении РАН, но и относительно экономики как целого: мы будто бы должны изобрести нечто такое, что нам позволит за короткое время догнать развитые страны. И ответственность за подобное изобретение возлагается на Академию наук. Считается, что Академия должна разработать достаточное количество принципиальных инноваций, которые в кратчайшие сроки продвинули бы нас если не на уровень Америки, то, по крайней мере, на уровень Португалии.

Такого никогда не происходило ни в одной стране; этого быть не может, потому что отсталая технология не предъявляет спроса на инновации. Процесс технологического совершенствования, на самом деле, довольно

медленный; он должен начаться с интенсивного заимствования западных технологий. И только по мере того как мы будем осваивать эти технологии, мы сможем постепенно перейти на путь инновационного развития. Такова история, которая повторялась многократно практически во всех успешных странах догоняющего развития.

Диалог правительства с учёными выглядит весьма странно. Правительство говорит: давай инновации! Ему отвечают: ну конечно, мы вот сейчас напряжёмся, и у вас через один-два-три года будут инновации. Потом обнаруживается, что не получается. Тогда следует претензия к правительству: ну, мы, вообще-то, готовы поставлять инновации, но спроса на них нет. Как будто отсутствие спроса на инновации — это вина правительства! Правительство обращается к бизнесу и требует: генерируйте спрос на инновации, а иначе будут санкции. Разговор, в общем, бессмысленный, но он идёт всерьёз. До тех пор, пока и в умах правительственных чиновников, и в умах исследователей не сложится верная картина того, как мы должны развиваться, мы не выберемся из этого сюрреалистического сюжета. В этом смысле роль РАН трудна для понимания.

Здесь есть ещё один парадокс. Кое-кто из чиновников сообразил, что ожидать немедленного инновационного скачка в России действительно нельзя. Но тогда, заключают они, и в творческих людях нет необходимости. Вот замечательная цитата: *«Выступая на конференции, прошедшей в рамках организованного движением «Наши» всероссийского молодёжного форума «Селигер-2007», министр образования Андрей Фурсенко посетовал на оставшуюся с советских времён косную систему в своём ведомстве, упорно пытающуюся готовить человека-творца. Ныне же, по мнению министра, главное — взрастить потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими»* (Людмила Мазурова, Литературная газета, 2007).

Иными словами, если мы обречены на длительный процесс заимствования, то нам и наука не нужна. Это большая ошибка. Потому что процесс заимствования — не механический, а очень творческий, очень трудный, и удался в большом масштабе лишь очень небольшому числу стран. Этот процесс предполагает наличие специалистов, которые видят перспективы развития технологий, начиная с фундаментальных сдвигов, происходящих в науке и экономике. Более того, если мы надеемся в конце концов перейти на путь инновационного развития, то нам потребуется именно фундаментальная наука. А научные школы, будучи погубленными, не создаются ни за десять, ни даже за двадцать лет.

Буквально два слова относительно проекта реформы РАН. Честно говоря, то, что происходит у нас [в РАН], меня не то чтобы удовлетворяет,

может быть, даже иногда расстраивает. Масса людей предлагают свои варианты реформ — разнообразие здесь фантастическое, точек зрения масса. Делается это искренне, но в результате мы имеем какой-то обрывочный набор того, что будто бы надо сделать. Некоторые предложения исключительно разумные, другие, как мне кажется, не выдерживают критики.

Нам нужен системный проект, и необходимость этого проекта не зависит от того, что будет дальше с Академией. В каком-то виде она сохранится, и реформировать систему всё равно надо. Но реформу надо понимать не как однократный акт — это очень важно! — не как одномоментное принятие закона, который мы тотчас реализуем, а как процесс, как последовательность необходимых изменений. При этом важно понимать, куда мы должны прийти в конечном итоге.

Я набросал перечень основных разделов проекта, не буду их перечислять, у нас мало времени². Разделов довольно много, и каждая тема, даже самые простые вопросы требуют осмысления. Зачем вообще нужна Академия? В бывших социалистических странах академии управляют институтами, но на Западе это не так. Каждое мероприятие, каждый предполагаемый элемент реформы должен быть так или иначе обоснован. А на случай, когда трудно прийти к какому-то определённом выводу относительно вариантов преобразования, есть устоявшийся уже в технологии реформ подход — экспериментирование. Экспериментирование, скажем, на некоторой группе институтов или в какой-то определённой области. В последнее время даже появились формальные методы проведения институциональных экспериментов.

Если говорить о коренных проблемах, — конечно, проблема возрастной структуры РАН, на мой взгляд, очень насущная. И здесь мне хотелось бы поддержать предложение академика Р. Нигматулина [директор Института океанологии РАН] о введении статуса ассоциированного члена РАН. Вопрос в том, как это оформить и как это сделать. Но, мне кажется, это важная вещь.

Очень важный момент — интеграция науки и образования. Надо сказать, что с этим не все согласны в Академии, однако есть много аргументов в пользу интеграции. Я назову только один: если мы ограничиваемся бюджетным финансированием фундаментальной науки, мы обречены на то, что в периоды экономических трудностей будут иметь место попытки отнять у науки деньги. Финансовая устойчивость должна базироваться на многообразии источников финансирования. И поскольку бизнес в наших условиях не проявляет готовности к финансированию науки,

² См. статью академика В.М. Полтеровича «Реформа РАН: экспертный анализ». http://www.econorus.org/pdf/Polterovich_Reform_RAS.pdf

в исследовательских институтах должна увеличиваться образовательная компонента. Вместе с тем, также постепенно должна наращиваться исследовательская компонента в университетах. Должно быть встречное движение. Такая реформа, мне кажется, может дать положительный результат.

Из-за отсутствия времени я завершаю, хочу только добавить, что один из разделов будущего проекта должен быть посвящён пропаганде научных знаний и борьбе с лженаукой. Хотя Академия, казалось бы, проигрывала медийную борьбу, в массовом сознании по-прежнему доминирует положительный образ учёного. Ситуация может измениться, и необходимы специальные усилия. Я думаю, что деятельность Сергея Петровича Капицы [основатель и президент Никитского клуба (2000–2012)] является здесь образцом для подражания.

А. Н. Привалов

Спасибо, Виктор Меерович. Последний из наших вступительных докладов — Сергей Викторович Егеров, прошу Вас.

С. В. Егеров, *заведующий отделением Акустического института им. Н. Н. Андреева*

Я отношусь к числу учёных, кто считает, что последний официальный проект реформы Российской академии наук, преподнесённый в форме спецоперации, предложенный людьми с неоднозначной репутацией и весьма неуклюже продвигаемый, не имеет права на существование. Однако мало шансов на то, что этот проект удастся остановить. Что ждёт Академию наук и научную сферу в целом?

От руководства РАН поступают сигналы о том, что процесс удаётся перевести в непубличную, закулисную плоскость. Это, может быть, полезный, но и коварный этап. Опыт показывает, что если чиновник навязывает учёному свои правила игры, скажем, разговор на тему о показателях эффективности науки или о распределении ролей вице-президентов в руководстве будущей Академии, то учёный, как правило, проигрывает. Через некоторое время он обнаруживает, что участвовал в строительстве какой-то кошмарной конструкции, отвечая за несущественные детали.

Однако если учёный навязывает чиновнику свои правила игры, то он с большой вероятностью выигрывает. И если речь пойдёт о решении научных задач государственной важности, о создании условий для развития науки и восстановлении среды научного общения, то шансы на успех есть. Это заставляет ещё раз обратиться к вопросу о роли академической элиты на сегодняшнем критическом этапе. Один из главных козырей академиков — это их умение и, более того, осознание ими общественного долга

С. В. Егерев

войти к первому (второму, третьему) лицу государства и выпукло поставить научно-практическую задачу государственного масштаба. Когда надо — припугнуть прорывом у противника, когда надо — воодушевить намечающимся прорывом у нас... По итогам таких встреч выходили совместные постановления ЦК и Совмина, возникали города, научные центры. Например, в 70-е годы, когда создание новых крупных исследовательских организаций уже было затруднено, академик А. П. Александров так ярко обрисовал первым лицам страны проблемы советской гидроакустики, что быстро был создан Институт прикладной физики АН СССР в г. Горьком. Сегодня это флагман российской физики по широкому спектру направлений.

В последние годы, совершенно очевидно, академики — может быть, и не по их вине — не так мощно питают высшее руководство предметными научными приоритетами, Но сегодня важно не упустить шанс, связанный с небывалым общественным интересом к российской науке, нужно «выкатыть» реальные факты отставания России в научной сфере, сформулировать задачи национальной безопасности, решение которых не по плечу вузам

и малым программам научных фондов (в США такие задачи решают национальные лаборатории, которые в здравом уме никто не сливает в «пулы» и не присоединяет к вузам).

Следует также учитывать, что атака на РАН началась не сегодня, она длится уже лет 18, то вспыхивая, то затухая. Недвижимость Академии не была в те годы главным мотивирующим фактором. Во-первых, в стране ещё было что делить, во-вторых, очень уж плачевное зрелище тогда представляла научная структура и инфраструктура. Идея превратить Академию в клуб учёных стояла просто в ряду советов сторонних консультантов, как то создать грантовую систему, создать систему *peer review*, поднять гендерную составляющую (выдавать гранты ученым-женщинам, но не потому, что они учёные, а потому что они — женщины), поддержать региональных учёных (выдавать гранты регионалам, потому что они регионалы). И в конце этого потока советов следовало (скучающим тоном): «Ах, да! Не забудьте ещё придать Академии статус клуба учёных».

Эти советы хорошо легли на общий тренд либеральных реформ, и с тех пор попытки удушить академический и отраслевой секторы науки, попытки поставить их в невыгодное положение с сектором науки при вузах не прекращались. Вот только один из аспектов. Наиболее болезненным вопросом было и остаётся воспроизводство квалифицированных кадров. Выдавливание структур, отвечающих за подготовку и аттестацию научных кадров высшей квалификации, из академических и отраслевых институтов стало трендом нулевых годов. В 2003 году организации, которые не смогли предъявить наличие общежития, были лишены лицензии на право обучения аспирантов. А ещё через несколько лет прошла реорганизация диссертационных советов, серьёзно затрудняющая процесс аттестации кадров «мимо вузов».

Перспектива реформы в задуманном виде многим экспертам представляется тупиком. Так или иначе — она или откатится, или заглохнет. С большими или меньшими потерями. В результате множества неучтённых факторов траектория реформы «запилит» в такую плоскость, где её не ожидают увидеть ни инициаторы реформы, ни её потенциальные жертвы. Хоть и парадокс, а вполне возможно, что первой жертвой реформы РАН падёт вузовский сектор науки, который уже сегодня трещит по швам из-за исторически непривычного объёма исследовательской нагрузки. Да и учебный процесс в лучших вузах под угрозой. Вот возьмём Московский Физтех для примера. Все выпускающие кафедры находятся в НИИ. Непродуманная реформа невузовских секторов парализует их деятельность.

Вырисовываются перспективы научной эмиграции на Украину и в Белоруссию. Есть силы, которые готовы профинансировать эти

процессы с учётом нынешней политической ситуации. Эти миграционные процессы затронут совершенно новые кадровые пласты, которые не уезжали все эти годы, — соответственно, имиджевые потери у людей, принимающих решения в нашей научной сфере, будут значительными. Одно дело, когда учёный эмигрирует в американскую лабораторию, другое — массовый выезд россиян-исследователей в университеты и НИИ стран СНГ.

Не нужно, однако, впадать в крайности. Раздаются голоса об агонии и близкой гибели российской науки в связи с неуклюжими управленческими действиями и решениями. Как-то не очень верится. Сфера фундаментальных исследований — очень устойчивая и живучая система, способная к регенерации тканей и органов, к самоисцелению и выживанию в любых условиях. В качестве примера можно привести опыт Таджикистана. После смуты и гражданской войны 1990-х годов (казалось бы, уже всё разрушено) уже десять лет, как эта страна демонстрирует хорошую динамику публикаций в солидных журналах, динамику не хуже, чем в других странах СНГ.

Система прикладных исследований обладает способностью впадать в спячку, но умеет просыпаться в нужный момент и в хорошей форме, конечно, если спячка не длится очень долго. Например, отраслевые институты, будучи сориентированными на публикационную активность, выдали нужный результат, как это легко видеть из материалов аттестации государственных научных центров. Так что, для того чтобы научную систему разрушить, тоже нужно определённое умение.

Сегодня скорее речь может идти о наконец-то случившейся агонии порочной системы управления российской наукой, которая тормозила её развитие. Методы этой системы, которыми нас душили и которые для нас не новость, теперь попали в открытый доступ и могут широко обсуждаться.

Допустим, что злосчастный законопроект отозвали, а возможно, проект реформы всё-таки «продавили», но реформа пошла таким образом, что власть отозвала её каким-то хитрым образом без потери лица. Значит ли это, что мы можем успокоиться и жить, как прежде? Не хотелось бы. Представляется, что именно Академия и может выступить инициатором новой программы реабилитации научной сферы России, восстановления разрушенного и реформирования методов управления наукой. В системе РАН есть Институт проблем развития науки, Институт истории естествознания и техники, другие профильные организации. Можно привлечь ученых-предметников, которые накопили большой опыт организации научной работы в непростых российских условиях. Хороший инструмент для такой работы — научный краудсорсинг. Не следует ожидать от реформы каких-либо революционных подвижек. Пространство для манёвра будущих реформаторов со всех сторон будет ограничено

нормами Гражданского кодекса, Бюджетного кодекса, другими правовыми нормами и ведомственными инструкциями. Однако в той мере, в какой эти нормы не препятствуют сегодня абсолютному самодурству чиновников от науки, они не мешают и восстановлению минимально доброжелательной научной среды.

Представим, что учёные каким-то образом получают карт-бланш на попытку воссоздания благоприятной и стимулирующей научной среды. Вот хотя бы несколько аспектов, которые было бы желательно учесть.

1. В сложившейся советской научной системе существовали четыре сектора, в старой терминологии это академический, отраслевой, заводской и вузовский. Распределение обязанностей между секторами было довольно тонким и продуманным. Восстанавливать надо сразу все четыре сектора. Развитие какого-то одного сектора российской научно-технической сферы за счёт других — верный путь к очередному провалу. В последние годы вузовский сектор «раздували» в ущерб остальным секторам с известными печальными последствиями. Важно эту ошибку не повторить. В этом смысле заявления о «продуманной реформе РАН» (и только РАН!) представляются как раз весьма непродуманными.

2. Для достижения гармоничного развития секторов полезно было бы избавиться от такого явления, как «академоцентризм». У широкой общественности не без помощи СМИ укоренилось представление, что науки за пределами РАН нет, а это неверно. Одним из вариантов академоцентризма является представление о том, что в Академии наук развивается фундаментальная наука, а за её пределами — прикладная. И это тоже ошибочное мнение. Другое у нас разделение научного труда. Вот каково соотношение исследовательских сил. По состоянию на 2011 год, численность персонала, занятого исследованиями и разработками в отраслевом (в новых терминах — предпринимательском) секторе, составляла 419,8 тыс. человек, в государственном секторе — 254,9 тыс. человек (из них 135,7 тыс. человек — персонал государственных академий). В вузовском секторе, даже с учётом его бурного роста в 2000-е годы, в 2011 году трудилось не более 60 тыс. человек³. На индивидуальном уровне и уровне лабораторий исследователи разных секторов интенсивно взаимодействуют. Таким образом, и продуманная будущая реформа, и ныне замышляемая реформа «только РАН» так или иначе неизбежно затронут судьбы всех почти 800 тыс. человек, занятых в науке. Но с разными результатами.

³ Известные статистические данные. Цит. по статье И. Дежина, А. Пономарева «1000 лабораторий: новые принципы организации научной работы в России» (Вопросы экономики. 2013. № 3. С. 70–82).

3. Следует учесть новые реалии распределения науки по территории России. Сегодня в Москве и частично в Питере заниматься наукой принципиально трудно по многим новым причинам. В столицах и среда сложилась ненаучная, и расстояние от учёных до власти непомерно велико. Затруднена подпитка институтов мотивированными кадрами. Москве не потянуть присутствия множества полупустых институтов с громкими названиями. Однако вместо их окончательного разгрома под давлением девелоперов и риелторов им может быть предложен продуманный переезд в регионы. В регионах расстояние от научного сотрудника до представителя власти гораздо короче (что при нашей государственной системе гораздо важнее, чем расстояние от учёного до бизнесмена). В регионах власть напрямую постоянно взаимодействует с учёными. Так, эффективной признана совместная работа власти в лице Администрации представительства Президента в Сибирском федеральном округе с экспертами Сибирского отделения РАН в дни и месяцы ликвидации последствий катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС. Перераспределение научных сил по территории России, увы, некомфортный, но неизбежный шаг.

4. Целесообразно помочь государству сформулировать, наконец, миссию российской науки. Не сформулировав или неверно сформулировав миссию, управленцы теряют основания рассуждать об эффективности или неэффективности нашей науки. Освоенный управленцами метод оценки эффективности науки по разным забавным показателям общественностью уже воспринимается как анекдот. В правительственных документах, например, есть требование: к 2018 году довести число наших статей в общемировом потоке публикаций до двух с небольшим процентов, причём любых статей, неважно, о чём. Это ли есть миссия нашей науки? Далее — инновационная риторика, со всей очевидностью, затухает. Уж очень много провалов было на этом пути. При резком уменьшении числа конструкторских бюро и заводских лабораторий (а ведь именно они являются потребителями продукции учёных) наша наука, очевидно, не может размахивать и инновационным флагом. Какая же будет миссия? Можно обсуждать.

5. Одним из важнейших вопросов остаётся кадровая реабилитация научной сферы. Возможно ли привлечь иностранцев в российскую науку? Имеется в виду не эксклюзивное возвращение уважаемых ученых-эмигрантов, а создание настоящего, привычного для мирового сообщества рутинного рынка научного труда на нашей территории. Однако сегодня сохраняются нормы, де-факто запрещающие лицам без российского гражданства заниматься научной деятельностью на нашей территории. Артист Жерар Депардьё сегодня может заниматься наукой в России. Однако для пакистанских математиков и индийских программистов,

присылающих (наивные люди!) в наши НИИ свои резюме, дорога в российскую науку закрыта. С отменой данной нормы будут реальными шаги по приданию научной сфере открытости и продвижению международной интеграции. Что касается соблюдения государственной тайны, то, например, в США с помощью хорошо известных приёмов удаётся сочетать её защиту с открытым рынком научного труда.

6. Необходимо восстановить разнообразие научных организаций, вернуть лицо институтам — большим и маленьким — вместо выстраивания крупных безликих пирамид-холдингов. В отраслевой науке накоплен печальный опыт объединения научных организаций в холдинги и конгломераты. Анализ результатов этого процесса позволил бы уберечь лиц, принимающих решения (ЛПР), от повторения неудачных шагов. Это, конечно, наиболее утопический пункт, потому что внезапно приватизированные НИИ (бывшие ФГУПы), превращённые в ОАО и объединённые в холдинги, ещё не успели дать статистику «голосования ногами» увольняющихся работников. Однако через два года эта статистика впечатлит ЛПР. К начальственному окрику «кто допустил?!!» нужно готовиться загодя.

7. И, наконец, два слова о журнальной и публикационной политике. Борьба за спасение только научных зданий, не уделяя внимания абсолютно провальному и противоречивому менеджменту научных изданий, — нелогично. Общими нашими усилиями в этой части создан полный хаос. «Мусорные» платные издания, созданные специально под авральную защищающих диссертации граждан, унылые академические издания с полупустыми редакционными портфелями, почти полное отсутствие научных обзоров (у редакций нет денег заказать), почти полное отсутствие национальных научных изданий на английском языке, печальная участь знаменитых инженерных журналов «на глянцевой бумаге с картинками», превратившихся (речь идёт о выживших изданиях) в персональную рекламу спонсоров и директоров производств... Вот лишь малая часть накопившихся проблем.

Получив карт-бланш на такую реформу, учёные получают ещё и огромную ответственность. Провалившиеся реформы милиции, здравоохранения, поясного времени, ЖКХ и прочего вызывают огорчение, но не вызывают желания смеяться над их авторами. Однако, если мы, учёные, с нашими талантами, не состоимся как реформаторы нашей собственной области, то тут уж позору мы не оберёмся.

А. Н. Привалов

Спасибо, Сергей Викторович. Предоставляю слово директору Института США и Канады, академику Рогову. Прошу Вас, Сергей Михайлович.

С. М. Рогов

Спасибо, уважаемый председатель. Я в этом уважаемом собрании представляю редкое племя директоров институтов РАН.

Вышло второе издание моего доклада «Новая шоковая терапия и „реформа РАН“». Неделю назад я по этому докладу выступал на Конференции научных работников и в понедельник [9 сентября 2013 г.] буду выступать на Общем собрании Академии наук. В рамках обсуждения я постараюсь заодно протолкнуть несколько своих идей из этого доклада.

Что касается трёх вопросов, которые задал Александр Николаевич [Привалов]. Возможен ли откат проекта законопроекта? Я считаю, что невозможен, отказа от этого законопроекта не произойдёт. И связано это с тем, что мы живём в рамках консолидирующейся бюрократической системы, где доминирующая линия — построить всех строем под командой чиновников. Идёт консолидация бюрократической системы по всем направлениям, и это отражение не только политических факторов, но и того, о чем говорил Виктор Меерович [Полтерович]. Только я бы назвал бы это «доминированием неолиберальной экономической философии на всём протяжении процесса наших экономических реформ». И связано это с идеей о необходимости избавления государства от излишних функций по производству общественных благ, таких как социальное обеспечение, образование, здравоохранение. В этот же ряд попадает и наука.

Мы знаем, что у нас есть тенденция к увеличению доли частных расходов на образование и здравоохранение. Единственное, что неолибералы приветствуют, это поддержка силовых функций — армия и полиция. Это и на американском примере известно, и это замечательно проявляется в нашем государственном бюджете, где доля расходов на образование, здравоохранение, социальную сферу и науку мизерная. Зато по силовым функциям мы вполне равняемся с Соединёнными Штатами. Я говорю о проценте валового внутреннего продукта, не об абсолютной величине. Я думаю, что отказ от этого законопроекта был бы очень серьёзным политическим потрясением у нас в стране, и я думаю, этого не произойдёт.

Второй вопрос — можно ли свести к минимуму негативные последствия этого законопроекта? На мой взгляд, в значительной степени это возможно. Если действительно, как говорил президент Путин при встрече с президентом РАН Фортовым, будут одобрены поправки, сформулированные Академией. Но есть ещё предложения поправок и Конференции научных сотрудников Академии, и отдельных учёных.

Что главное, на мой взгляд? Сохранение единства научного сообщества — институтов и академиков, и между ними не произойдёт разрыва, научные

С. М. Рогов

институты останутся подведомственными Академии наук, не будет фрагментации научного пространства.

И это ключевой вопрос: кому будут подведомственны институты? Во втором варианте законопроекта, я имею в виду во втором чтении, остаётся формулировка о подведомственности института новому федеральному органу (Агентству). Если это сохранится, тогда, на мой взгляд, конец, тогда эта программа — разделить все институты на чёрных, белых и тех, которых в распыл, — будет очень быстро осуществляться. Подведомственность институтов Академии должна быть сохранена, а это означает и сохранение принципов демократического самоуправления. Принципиальный момент для научного сообщества: избрание директоров научными сотрудниками тайным голосованием, избрание на все другие административные должности.

Я считаю, есть неплохой шанс, что это может быть реализовано путём возврата ко второму чтению. Здесь возможны разного рода варианты, как эти поправки могут быть внесены, но, на мой взгляд, это осуществимо.

Что неосуществимо? Создание Агентства по управлению федеральным имуществом — неизбежно. И, конечно, произойдёт катастрофа, если этому Агентству будут подчинены институты. Но сегодня-то институты не являются собственниками. Собственником является Росимущество. Если появится параллельное Росимущество, которое будет заниматься недвижимостью и т.д., то ничего страшного нет, если оно будет заниматься только вопросами недвижимости, а не вопросами научного руководства институтов.

К сожалению, не удастся избежать, на мой взгляд, и объединения трёх академий, и это очень печально, потому что тогда 2,5 тысячи академиков в большой зал на Ленинском проспекте не вместить. Значит, надо будет строить новый или арендовать Кремлёвский дворец. Но есть возможность придать, так сказать, немного цивилизованный вид трехглавому члену.

Вы знаете, в Америке нет государственных академий наук. Хотя федеральное правительство США учредило Национальную академию наук, Инженерную академию и так называемый Институт здравоохранения, и они входят в качестве самостоятельных юридических лиц в National Research Board (Национальный совет по исследованиям), президентом которого является президент Национальной академии наук. Такой «зонтик» у нас позволил бы действительно координировать работу трёх академий, но избежать слияния в одну посуду всех и вся.

Последние события — здесь я полностью согласен с тем, что говорил Аскольд Игоревич Иванчик, — продемонстрировали консолидацию, произошедшую в научном сообществе. Я даже сам своим глазам не верил, когда началось такое массовое братание. На самом деле коллаборационистов оказалось очень мало, их буквально можно пересчитать по пальцам. И мы с вами стали свидетелями, как Академия показала ещё раз, что это очень важный сегмент гражданского общества у нас в стране, защищающий свои права.

Третий вопрос: а что же дальше делать? Мне кажется, Сергей Викторович [Егеров] немножко приукрасил ситуацию у нас с количеством исследователей. В 2011 году у нас было всего в стране 374 тысячи исследователей — и в частном секторе, и в государственном секторе, и в некоммерческом, и в университетах. Двадцать лет назад был миллион. У нас идёт колоссальный процесс примитивизации экономики и деинтеллектуализации. По отношению к «убогим чухонцам» количество научных исследователей у нас в четыре раза меньше. Я уж не говорю о Штатах и других.

Задача, на мой взгляд, заключается в том, чтобы Россия, которая уже никогда не сможет рассчитывать на количественные показатели (мы всегда будем уступать по численности населения, по величине ВВП Соединённым

Штатам, Китаю, Европейскому Союзу — тут несопоставимые величины), по качественным показателям вошла в число лидеров научно-технического прогресса. Но это будет невозможно, если российский бизнес не будет заинтересован в инновациях, не начнёт вкладывать деньги в НИОКР. У нас же сложилась уникальная ситуация: общие расходы на науку в стране — всего 1,1% ВВП. Это мизер по сравнению с США (около 3%), Японией, Израилем, Швецией, Финляндией, где выше 4%. Но у них, скажем в Израиле и Японии, больше 3% ВВП — это расходы бизнеса на НИОКР, в Америке — 2%. У нас — меньше 0,4%, причём доля бизнеса в расходах на НИОКР постоянно усыхает. И количество исследователей в частном секторе, занимающихся НИОКР, с 1995 года уменьшилось в два раза. Тогда, помните, произошла приватизация прикладной науки и её развал.

Если бизнес не будет заинтересован в инновациях, то, конечно, никакая академия наук, никто нас не спасёт. Как это сделать? Можно, конечно, читать мораль бизнесу, можно в приказном порядке говорить «отстёгивай на Сколково». Но есть такая вещь, и Америка подала этому пример, сейчас её опережают и Франция, и другие страны, — это «налоговые расходы», то есть налоговые стимулы. Я просто назову вам потрясающую цифру. Федеральный бюджет США — это около 4 триллионов долларов, а так называемые налоговые расходы — 1 триллион долларов. Американское правительство говорит бизнесу: «Будешь на социально важные вещи тратить деньги — на медицину, на образование, на науку, у тебя налог сразу же срывается, а то и вообще ликвидируется».

Мы же являемся страной, где до сих пор в налоговой системе доминируют фискальные догмы: побольше содрать, всех — под одну гребёнку. В особенно тяжёлой ситуации оказывается наука. Гражданская наука. У нас по-прежнему, как и в Штатах, расходы на военные НИОКР очень велики, во всех других странах они намного меньше. Надо развивать гражданскую науку. И это касается, конечно, в первую очередь Академии наук. Виктор Меерович [Полтерович] тоже немного приукрасил ситуацию. С 2009 года в постоянных ценах бюджет Академии наук не только не растёт, а сократился на 24%. Огромный рост расходов на науку — но на Роснано, Сколково, Курчатник, федеральные университеты, а Академия наук усыхает. Конечно, эту ситуацию надо решать, потому что иначе возникает колоссальнейшая проблема — усиливается старение кадровое и старение материальное, потому что техновооруженность нашей науки — мизерная.

И последний момент. Конечно, Академия имеет много достоинств, но они же — её недостатки. Это давление традиций. Это иерархия. Это научные школы. Научные школы — хорошо, но это кланы, которые между собой соперничают. Это борьба за раздел узкого пирога. В Академии наук

требуются серьёзные реформы. Первый шаг уже сделан, когда было объявлено о введении двух сроков для президента и членов Президиума. Я считаю, ограничение в два срока должно быть введено и для директоров институтов, вообще для всех выборных должностей. Возможно и возрастное ограничение. Правда, говорят, что это, мол, дискриминация по возрастному принципу. Но после 70, наверное, человек не должен уже избираться на новый пост. Пусть он будет почётным советником, *emeritus*, как во всём мире.

И обязательно закрепить молодёжь. Я приведу убийственную цифру. У нас в 1995 году было 62 тысячи аспирантов, а в 2011 – 156 тысяч аспирантов. Почти в три раза выросло количество аспирантов! При этом количество аспирантов в Академии осталось неизменным, а вот в том самом крыжопольском и прочих наших славных университетах — целая армия аспирантов, везде диссертационные советы, которые пекут липовые диссертации с плагиатом и т.д. Такое количество аспирантов, конечно, показывает, что это не подготовка кадров. Из 156 тысяч аспирантов в 2011 году защитили диссертацию всего 9 тысяч. Отделался от армии — и гуляй... Но если действительно серьёзно наладить аспирантуру и оплату труда научных сотрудников, то мы могли бы ежегодно принимать в науку несколько тысяч новоиспечённых кандидатов наук. И на этой оптимистической ноте я завершаю своё выступление.

А. Н. Привалов

Спасибо, Сергей Михайлович. Президент Фонда «Династия» Дмитрий Борисович Зимин, прошу Вас.

Д. Б. Зимин

Здесь уже были сказаны слова насчёт того, что мы являемся свидетелями достаточно яркого конфликта власти, чиновников и учёных — этого конфликта, который сплотил во многом Академию наук. Но этот конфликт не единственный. Я хотел бы напомнить ещё о других конфликтах, когда Академия наук могла бы поднять свой голос. Недавно уехал Сергей Гуриев. Два года назад академик Рыжов написал очень яркую статью, какую-то щемящую «Не возвращайтесь». Это по поводу того, когда были арестованы и засужены по совершенно надуманным причинам несколько ученых-физиков.

Почему я говорю ещё о Гуриеве с особой болью — он был, формально и сейчас ещё остаётся, председателем совета Фонда «Династия», а Фонд «Династия» поддерживает в первую очередь учёных естественных наук, тратим на это дело, по нашим масштабам, немалые деньги. И вот выжили

Гуриева. Идёт какое-то своеобразное, понимаете ли, соревнование между Бастрыкиными и Звoryкиными, при котором, как кто-то сказал, Бастрыкины остаются, их концентрация увеличивается, а Звoryкины уезжают. Беда! На этом фоне я бы хотел сказать, что кроме защиты Академии наук надо дать, в конце концов, учёным в том числе, надлежащую оценку нападающей стороне — чиновничеству: что у нас здесь происходит, что у нас происходит с властью? Оставаться только в рамках защиты? Что же пишет учёная братия по этому поводу, наверное, вы все знаете, но я всё-таки кое-что зачитаю: «Сложившаяся в России государственная система (это нападающая сторона. — ДЗ.) крайне архаична, неэффективна и морально растлеивает даже изначально честных людей».

Кстати, о реформах вообще. Может, кто-нибудь помнит, если не ошибаюсь, были приняты две президентские программы по реформированию не Академии наук, а государственной службы. Кто-нибудь о них помнит? Одна из них истекает в 2013 году. Кто-нибудь о них говорит, о президентских программах реформирования? Куда же, не реформировав, провалив те программы, наше чиновничество лезет реформировать Академию наук! Оно имеет хоть какое-нибудь моральное право на это? Где-то мне приходилось читать, что у нас в стране было принято, по-моему, три сухих закона, но не один из них не отменён. Продолжу цитату: «Масштабы использования административного ресурса (это нападающая сторона, это преступное злоупотребление служебным положением. — ДЗ.) достигли размеров национального бедствия». Это о тех, кто вас, нас реформирует. «Численность государевых слуг превысила 1,5 миллиона человек. Работают всё хуже, а денег требуют всё больше, залезая как в общественные, так и в личные карманы». Ну, о первом свидетельствует бюджет, а о втором — уровень коррупции.

Я не знаю, как реформировать, я хочу сказать о технологии реформирования. С этим делом у меня был некий опыт знакомства. На меня очень большое впечатление произвело, как происходит это, к примеру, в Англии. Там существует так называемая Комиссия по гражданской службе (туда входят адвокаты, журналисты), которая ведаёт назначением широкого класса государственных чиновников. Сами себя чиновники не реформируют: нельзя поручать лягушке осушать болото. Кстати говоря, в какой-то мере это относится и к Академии наук. На меня произвело очень сильное впечатление, как проходит реформа или управление государственной службой в Англии, вот эта самая английская комиссия.

Мне кажется, что в этом конфликте Академии наук, учёных и государственной службы, чиновника мы должны помнить, может быть, о некоторых правилах поведения гражданина. Цитата: «Настоящий патриот всегда должен

Д. Б. Зимин

быть готов защитить свою страну от своего правительства». По-моему, пора вспомнить, кстати, совсем недавно было сказано. У американцев в Декларации независимости есть прекрасно сформулированное обоснование права граждан на отказ в доверии дурно пахнущей власти. Короче говоря, наскок на Академию наук есть одно из проявлений, к сожалению далеко не единственное, глубокой болезни нашей правящей верхушки. И действительно все здоровые силы общества должны здесь как-то консолидироваться. Ой, Гуриев уехал, для меня это, так сказать, болезнь какая-то! И, кстати, молчит Академия наук, ведь ни слова не сказали, когда Гуриева выжили!

Реплика

Сказали, сказали.

Д. Б. Зимин

Что там такое сказали?!

Реплика

Здесь приводилась статья Ливанова, Гуриева, Северинова в «Эксперте» об Академии наук. Почитайте, Гуриев от неё не отказывался.

Д. Б. Зимин

Что-то там сказали про вас, и вы позволяете, значит, выживать человека из страны?

Р. С. Гринберг, директор Института экономики РАН

Это разные темы, эти проблемы в разных плоскостях.

Д. Б. Зимин

И поэтому его не надо защищать и позволять, чтобы его выживали из страны? Это нехорошо, это некрасиво, не надо так делать.

А. Н. Привалов

Спасибо, Дмитрий Борисович. Единственный комментарий буквально на полях. Я думаю, никто из присутствующих меня не заподозрит в большой симпатии к российским чиновникам. Но мне только что в Италии таксист рассказал, что в начале 30-х годов прошлого столетия для финансирования вторжения в Абиссинию Бенито Муссолини повысил налог на бензин, если я правильно помню, на 1,5 сольди. Это повышение не отменено до сих пор. Так что сухие законы у нас не отменяются в рамках общемировой тенденции.

Владимир Степанович Мясников. Прошу Вас!

В. С. Мясников, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций, ИНИОН РАН, академик РАН

Я думаю, что ситуация с так называемой реформой Академии наук — это одна из фаз борьбы интеллигенции и власти, которая идёт на протяжении длительного периода в нашей стране. Она принимала разные формы и началась она отнюдь не в советское время. Возьмите, скажем, середину XIX века, когда отмечалось Тысячелетие России. Посмотрите, как у Татищева описано царствование Александра II в 1860-е годы. Я был потрясён, когда прочитал это: митинги, прокламации, в Петербурге поджоги и т.д., и т.п. Бурлит вся столица и вся Россия. И кто выступает? Конечно, не дворянство, может быть, только какие-то единицы. «Колокол» там, Герцен из Лондона. Ему говорят, он отстал и устарел, нужны другие методы, выходим на улицы и т.д. Социальная революция. Но Академию наук это не касалось. Академия наук жила и работала нормально, как её создал Пётр Великий, так она и развивалась.

В. С. Мясников

И последний период, когда в течение 26 лет президентом Академии был Константин Константинович Романов — знаменитый поэт и интеллектуал, интеллигент, он увеличил бюджет Академии в 5 раз. Несмотря на то что Россия вела войны с Турцией, с Японией, и пр., и пр. Нарастало революционное движение, но ему всё равно удалось убедить правительство и власти, что Академию нужно поддерживать. И он её развивал. А вот когда уже подошли к 200-летию Академии наук, в 1925 году отмечалось, — отметили тем, что она стала Всесоюзной. Тут же, после этих торжеств, началось так называемое «академическое дело», начали сажать академиков и т.д.

Выборы 1927 года, большевизация Академии — весь этот процесс шёл, пока американцы не начали создавать атомную бомбу. Вот тогда власти поняли, что без науки не выживут. Николай Иванович Вавилов погиб в 1943 году. Его ученики в голодном Ленинграде сохранили семенной фонд, это какой подвиг моральный был! А на основе его научных достижений две страны, Мексика и Индия, сделали так называемую «зелёную революцию» и решили продовольственные проблемы. Вот кого мы теряли.

И это было до 1960–70-х годов, хотя мы уже запускали ракеты, на Луну летали и пр. Но, скажем, книга Норберта Винера «Я — математик» у нас была запрещена для математиков в МГУ. Вот такое отношение к науке было. С одной стороны — да, поддерживаем, а с другой — тот же Хрущев пытался закрыть Академию наук, это тоже известно.

Текущая фаза — это развитие одной и той же линии. Власть не понимает науку, не уважает её. Ну вручили Государственные премии, мы видели это по телевизору. Но ведь не в этом дело. Я почему-то вспомнил академика-секретаря отделения экономики Дмитрия Семёновича Львова, который одно из своих последних выступлений на Общем собрании Академии закончил такими словами: «Раньше в России было две проблемы — дураки и дороги, а теперь у нас одна проблема: дураки нас ведут не по той дороге».

Здесь говорили о Китайской академии наук. Она разделена на две части: высокие технологии, естественные науки и т.д. и общественные науки. Что делается в первой части? Государственная программа возвращения учёных, получивших образование в Штатах, в Европе, которые успешно там работают. Им повышают зарплату по сравнению со штатной, перевозят к себе и дают лучшие лаборатории.

Я вспоминаю академика Черешнева, сейчас он в Думе возглавляет Комитет по науке. Валерий Александрович был академиком-секретарем Уральского отделения, баллотировался в президенты Академии. Он озвучил цифру: 1 200 000 наших учёных работают за рубежом. Миллион двести тысяч! Мы во время войны меньше потеряли. Это тоже ведь зависит от политики правительства.

Что ещё я могу сказать? Академия общественных наук в Китайской Народной Республике, 2008 год, начало фазы экономического кризиса. Я нахожусь в Шанхае, у меня много друзей среди профессуры высокого уровня, и они мне говорят: «Кризис начинается — это, знаете, против нас и против вас американцы придумали. У нас есть правительственная установка выйти из этого кризиса с прибылью». И таки вышли, Вэнь Цзябао, премьер-министр тогдашний, дал указание скупать заводы в Европе, везде, где продаются, где есть высокие технологии. И скупают, вот так! Это так востребованы общественные науки.

Я к чему это клоню? Власть должна ставить задачи перед Академией наук. Создавая Академию наук, Пётр Великий поставил задачу — организовать просвещение в России. Академия одновременно являлась университетом, и в первое десятилетие все академики обязаны были ежедневно в течение одного часа читать лекции по тому направлению науки, которым они занимались. И начали развиваться университеты. Вот идея-то какая была! Но сегодня, очевидно, должны ставить другие задачи. Если говорить

о реформе Академии, которую проводили бы сами академики, — с одной стороны, верный тезис, что система не может сама себя реформировать. Почему же тогда Пётр Великий реформировал свою царскую власть, как говорится, и Россию реформировал? Он в той же системе ведь был, правильно? Так может Академия сама себя реформировать?

Я поддержку академика Рогова, что нужно взять с американцев пример. Нужно освободить от налогов бизнес, который тратит деньги на науку, медицину и образование. В Америке это налажено великолепно, совершенно великолепно. С этого надо начинать. Надо начинать с того, чтобы увеличить долю расходов на науку в государственном бюджете, и чтобы мы все об этом знали. И это связано со следующим шагом — чтобы научные работники действительно не влачили полунищенское существование. В Москве средняя заработная плата составляет 52 тысячи рублей. Главный научный сотрудник в том институте, где я работаю, получает 26 тысяч — половину средней. Поэтому я хочу сказать, что, конечно, Академия может сама себя реформировать и заканчиваю вот чем.

На что направлена эта реформа? Она не имеет никакого отношения к науке. Это передел собственности. Собственность Российской Академии наук — это 85% собственности Академии наук СССР. Она оценивается в триллионы, и не рублей, а долларов. Ухватить такой кусок, разделить, приватизировать и распродать — вот это для правительства господина Медведева ну просто пир богов!

А. Н. Привалов

Спасибо. Я не подгадывал, что предыдущий оратор в последней части своей речи говорил о налогах, а следующий оратор будет зампред думского комитета по бюджету и налогам. Оксана Генриховна, прошу Вас.

О. Г. Дмитриева

Спасибо большое! Я не буду говорить последовательно, просто приведу несколько тезисов.

Первое, исходя из того, что уже сказали коллеги. Российская Академия наук действительно была чрезвычайно пассивна там, где она могла сказать своё веское слово. Я не говорю обо всех реформах, хотя бы о реформах, родственных реформе Академии наук. Это реформа образования из той же серии, это реформа здравоохранения. Кстати, врачи защищали себя, и доктор Рошаль воевал активнейшим образом против законов. Прародитель всего этого — и закона о реформе РАН, и об образовании, о здравоохранении — пресловутый 83-й закон, где идёт размывание статуса бюджетного учреждения, который противоречит общемировой

практике построения всех социальных сфер и бюджетных систем. Все были не только пассивны, но часть уважаемых представителей Академии даже поддержали 83-й закон. В целом Академия была пассивна, и 83-й закон проходил голосами исключительно «Единой России». Собирали подписи в Интернете, если бы ещё чуть-чуть надавить на общественное мнение — вполне возможно, что тогда это можно было бы погасить в зародыше.

Теперь относительно данного законопроекта и как он проходил. У меня тоже нет никакой особой радости. Все как-то в восторге и эйфории от того, что произошла консолидация академического сообщества. Она произошла, на самом деле, гораздо позже, чем должна была бы произойти. Потому что все пребывали в большой радости, оттого что участвовали, на самом деле, в совершенно беспрецедентном и безобразном процессе работы над законопроектом и доведении его до второго чтения. Помните, Руслан Семёнович [Гринберг], мы с Вами говорили, и я Вашу эйфорию, да, эйфорию по поводу того, что за два дня тут придумали все поправки, и всё приняли, не разделяла. Это было большой ошибкой.

Более того, расслабленность от эйфории и некий коллаборационизм в академических рядах позволили части Думы, даже части так называемых оппозиционных фракций, с радостью заявить, что академическое сообщество согласилось голосовать за этот законопроект во втором чтении. И только КПРФ и часть «Справедливой России», к которой я принадлежу, не принимали участия в этом безобразии. Это было самым правильным и единственно возможным выходом из положения на тот момент.

Что дальше? Академия наук всё-таки должна как-то профессионально работать. У вас есть юристы, есть экономисты, и надо понимать, что любая позиция в законе, предполагающая слияние, разлияние, изменение названия, — это фактически полная ликвидация и выведение всех за штат. Просто одно изменение названия «милиция» на «полицию» — это выведение всех за штат и переназначение заново. Кого назначат, кого не переназначат, кого объединят, кого не объединят, — это фактически полный разгром, как бы это ни называлось. И это нужно прекрасно понимать, для этого у вас всё-таки есть академические институты, и существуют даже юридические. Это первое.

Второе. Не должно быть иллюзии по поводу того агентства, которое будет управлять имуществом. Это полное видоизменение статуса бюджетного учреждения, которому всё-таки имущество передаётся в оперативно-хозяйственное управление. Смотрите, что происходило с Минобороны. «Оборонсервис» — это то же самое, там произошло видоизменение всех имущественных правомочий в статусе бюджетных организаций. Воинская часть — это тоже бюджетное учреждение. Поэтому здесь никакого либерализма, ещё чего-то нет.

О. Г. Дмитриева

Я согласна полностью с академиком Мясниковым: это примитивнейшим образом борьба за имущество и передел имущества. Собственно говоря, этим были обусловлены и другие законы, пресловутый 83-й закон, реформа здравоохранения, реформа образования. Просто там не все имущество хорошее, потому это не так очевидно. А в Академии наук все имущество хорошее, сосредоточено в Москве, в Санкт-Петербурге. Если кто газету «Коммерсант» не читает в полном объёме и не смотрит приложение по недвижимости, то пусть посмотрит: агенты недвижимости уже обсуждают как свершившийся факт, какие объекты в связи с реорганизацией Академии наук появятся на рынке. Агенты люди конкретные, они уже все обсуждают.

Следующий момент — способ действий. Мне представляется, что позиция должна быть предельно жёсткой, и только такая позиция имеет какой-то шанс на победу. Любое обсуждение каких-то поправок, причём паллиативных. Паллиатив — юристы должны сказать совершенно чётко — любой паллиатив приведёт к реорганизации, любая реорганизация приведёт

к уничтожению. Любое выведение и изменение статуса бюджетного учреждения с выведением собственности и управления где-то, не понятно где,— это тоже будет реализация искомой цели. Ну а что будет дальше, если отнимут имущество? Можно не приводить долго примеров, достаточно истории с детскими садами. Наши детские сады, внутри которых отсутствует научная школа и которые, в принципе, могут быть восстановлены,— они не восстановлены: как сократились в два раза, так и сократились.

Научный институт — это не детский сад, и вряд ли его можно будет когда-либо восстановить при потере имущественного комплекса. Поэтому есть различные примеры. Кстати говоря, закон о Росфинагентстве мы остановили, и только отдельные представители академического сообщества в лице Руслана Семёновича Гринберга нам в этом помогали. Тем не менее афера застряла в первом чтении и пока во второе чтение не переводится. Здесь была чёткая позиция, что мы категорически против Росфинагентства в любом виде, и не соглашались ни на какие его облагораживания. Точно так же до сего времени не принят, слава Богу, во втором чтении закон о едином налоге на недвижимость. А в первом чтении он был принят в 2004 году, одновременно с Жилищным кодексом. Также, поскольку мы сопротивляемся и пугаем социальными взрывами. Иными словами, есть примеры: закон может застрять сколь угодно долго во втором чтении и в первом чтении, и может застрять на много-много лет.

Теперь по поводу реформы. Почему-то все исходят из того, что реформа нужна, при этом никто толком не знает, что, собственно говоря, надо делать. Но реформа сама по себе ценностью не обладает. Реформу нужно проводить, когда точно знаешь, что надо делать, и самое главное, когда есть реформатор. При этом реформатор должен быть человеком талантливым, потому что это бюрократ, и плыть по течению можно вполне посредственно. Нет ничего хуже бездарного и бесталанного реформатора, который не знает, что делать. Отсюда идея о том, что мы все за реформы и все их сейчас будем проводить, на мой взгляд, тезис вредный. Надо чётко сказать, что на самом деле надо менять, и вряд ли это то, что нужно менять. Исходя даже из того, что здесь прозвучало, вряд ли это можно назвать реформой.

Несколько слов об аспирантах. Я как действующий профессор тоже веду аспирантов, и они очень плохо защищаются. А не защищаются они потому, что у них нет цели защиты. Это связано исключительно с ликвидацией военных кафедр и не присвоением звания лейтенантов нашим выпускникам. Все они таким образом спасаются от армии и ждут своих 27 лет, потому и появились эти 150 тысяч аспирантов. И лечение ситуации здесь вообще не в плоскости науки, а в плоскости восстановления военной кафедры и решения вопроса как-то по-другому.

Что касается запроса на инновации. Запроса на инновации со стороны экономики в обозримом будущем не будет, потому что нет такой экономики, которая бы предъявила спрос на инновации. У нас полностью потеряны целые отрасли, и прежде всего потенциально наиболее инновационные отрасли. Спрос на инновации естественным образом не возникнет, создавать спрос на инновации нужно искусственно. Один из элементов — налоговое стимулирование, но это даёт очень немного. Мы вносили такие законы и пытались их лоббировать — это всего 30 миллиардов рублей. Поэтому здесь единственная возможность — создавать спрос искусственно, через государственные мегапроекты, сравнимые с атомным или космическим проектом. Власть не заинтересована, потому что атомную бомбу она делать не собирается, ей это не надо, а всё остальное её вполне удовлетворяет. Поэтому — только через общество, базируясь на том, что общество инерционно ещё науку любит.

А. Н. Привалов

Угрожающая последняя фраза — «Ещё пока любит».

Михаил Иванович Москвин-Тарханов, Мосгордума, прошу!

М. И. Москвин-Тарханов

Дорогие друзья! Я, наверное, буду говорить неприятные вещи. Я сам поработал в академическом институте недолго — 15 лет, ну, а в Думе немножко занимался вопросами науки так, между делом, поскольку у нас тоже деньги выделяют на это, кое-какие программы мы принимали по науке.

Я вот слушаю выступления, и слышу один и тот же текст в разных вариантах: существовала Академия — замечательная и прекрасная, она только была немножко голодная и слегка бюрократизированная. Злые чиновники, сговорившись и покушаясь на имущество Академии, внезапно с криком напали. Но не тут-то было! И в этом сражении мы должны дать прогноз, что получится. В общем, большей наивности, чем этот разговор, трудно себе представить. Потому что, конечно, у чиновников есть аппетит, и как всякая ворвавшаяся в город армия, они хотят поживиться. Но у них есть командиры, и эти командиры принимают политическое решение. Почему принято такое политическое решение? Попробую объяснить.

Академия наук — это для нас определённый фетиш, это знаковое что-то. Это как для Британии флот или как для Армении гора Арарат. Это значимое и колоссальное. При этом Академия — во многом дитя атомной бомбы, то есть дитя оборонного комплекса. И это были имена великих, которые создавали вокруг себя атмосферу демократии, атмосферу свободы, атмосферу творческого поиска. Это были великие люди 1950–60-х годов, мы

М. И. Москвин-Тарханов

немножко их застали. Потом пришло время апологетов. Это были хорошие люди. Потом пришло время эпигонов. Это тоже очень неплохие люди, но они эпигоны. Имён мало, их практически нет. А Академия имеет статус, она имеет величие. И всё время была надежда, что у Академии есть что-то, что когда ты заглянешь туда, — там лежат сокровища мысли, там бродят великие идеи. Просто действительно мы не можем взять их, не можем воспользоваться.

Мы с Юрием Михайловичем Лужковым — Александр Николаевич Крутов [депутат Мосгордумы], мой коллега, здесь присутствует и не даст соврать — решили создать совместную комиссию Правительства, Московской городской Думы и Академии наук. Приехал президент Академии наук, приехал Юрий Михайлович, собрали огромное собрание. Восемь часов академики, в основном экономические, выступали по поводу того, «как нам реорганизовать РабКрИн», то есть Москву в данном случае. А после этого мы закрыли это совещание и никогда больше его не возобновляли. Мы не услышали за восемь часов ничего полезного, кроме пересказа своих книг, общих

рассуждений, всяких других необычайно интересных тем, а также питьё чая, кофе и коньяка. Вот, собственно говоря, в чём прошло это замечательное совещание. Больше не пробовали. И возникает ощущение: а король не голый? А там действительно что-то есть? Там ещё что-то осталось или это только одни вывески красивых институтов и пр.?

Я-то знаю, что осталось, но чиновники этого не знают. Поэтому запущена торпеда. Это пробная торпеда. Это пробная торпеда, как зонд, которая должна ударить в борт. Она ударила в борт — и всколыхнулось! И выяснилось, что даже свой директор, в общем, противный, лучше, чем ещё более противный чиновник. Поэтому мы сплотились вокруг директора, и это хорошо. Значит, эту штуку — Академию — так просто не взять, но надо её каким-то образом расшевелить, потому что она — ценность. Она очень большая ценность в глазах общества и в глазах власти. Но эта ценность пропадает, она лежит, и никому не нужна. Как с нею работать — тоже неясно. Поэтому надо искать диалог.

Вот первое — мы должны искать диалог между политической властью и лучшими силами Академии, а не между министром, который экзекутор и инквизитор, а вообще — не принимающий решения. Завтра его вызовут на Бочаров ручей, и он выступит с идеей прямо противоположной, как положено любому чиновнику. Или отступит, или сдастся, или ещё что-нибудь придумает. Не они решают — это пустое пространство, мы нанесим удар в никуда, решение принимается гораздо выше. И там, где оно принимается, там тоже есть определённая надежда. Академия — это ценность. Академию хотят, Академию хотят получить. Поэтому нужно искать диалог.

Что будет в ближайшее время — закон не отменят. Потому что отменить закон, значит признать своё поражение, и самое главное — оставить Академию в торжестве и дальнейшем неререформировании. После этого праздник победы, который будет длиться годы, и ничего не будет делаться. А потом запустят следующую торпеду. Это первое.

Второе. Говорят о каком-то ведомстве, управляющем имуществом Академии, ещё какое-то ведомство, бюрократия, откусят какой-то кусок, кого-то с кем-то сольют, чего-то ещё сделают. Ничего особенно страшного не произойдёт, победы нет, и каждая страна объявит себя победительницей. Чиновники скажут, что мы действительно слили академию и заменили двух академиков. А Академия скажет, мы сохранили институты и все, что должны были сохранить, и отбили этих чиновников. Будет боевая ничья, как при Бородине. Одни заявили, что мы победили французов стратегически, а французы победили нас тактически — вот и всё.

Что будет дальше? Дальше совершенно необходимо думать о том, как взаимодействовать, и должен быть оборонный заказ. Аксель Иванович Берг,

замечательный специалист в области радиолокации и многих других вещей, говорил, что Академия наук существует в фундаментальной своей части — подчёркиваю, в фундаментальной части — для двух вещей — для обороны и для престижа. Потому что оборона — это то, что может родиться внутри Академии. А вот изучаем черепки в районе Горного Алтая или сперму морского ежа — это мы изучаем, потому что это должно быть: мы — Великая держава. И у каждой Великой Державы должны быть все направления науки. Если у нас нет какого-то направления, мы уже не Великая держава.

Вот логика Академии: первое — война, второе — престиж. И никакой бизнес фундаментальную науку финансировать не будет никогда, ему и обычная-то наука не нужна. А фундаментальная — бизнес даже не поймёт, о чём это. Ну, понятно, тут налоги можно, конечно, срезать, это правильно, и перенаправить бизнес, посоветовать ему профинансировать что-то важное. Можно, но это те же самые деньги, просто не добранные.

Я думаю, что ничего страшного не произойдёт. Академии желаю одержания серьёзных побед, и в первую очередь над собой своими силами. Вот это очень важно, потому что то разочарование академической науки, экономическое, которое мы испытали, до сих пор как заноза сидит в сердце. Ну, ничего, то есть вообще ничего, то есть совсем ничего! Это страшно. Извините.

А. Н. Привалов

Спасибо. Извиняться решительно не за что. Первый островок оптимизма в сегодняшнем вечере. Но согласитесь, всё-таки Ваша метафора завела Вас очень далеко: это вещь, это ценность, поэтому надо пустить в неё пробную торпеду. Это сильная метафора. Дмитрий Геннадьевич Левков, прошу Вас.

Д. Г. Левков, научный сотрудник Института ядерных исследований РАН

Уважаемые коллеги, спасибо за предоставленное слово. Я хотел бы рассказать о самоорганизации в сообществе учёных Российской Академии наук. Но не с позиции исследователя (я физик, и не занимаюсь изучением общественных процессов), а как их непосредственный участник.

Я хочу высказать простую мысль. Сегодня прозвучало несколько раз, что в случае отмены законопроекта всё вернётся на круги своя, и Академия станет такой же, как и раньше. По моему мнению, этого ни в коем случае не произойдёт. Из-за многих причин, одна из которых — процесс самоорганизации учёных, который пошёл и который не обратим. Хочу привести несколько примеров, показывающих, как происходит этот процесс,

Д. Г. Левков

и почему эти вещи, эти инструменты будут работать в будущем. Например, создана «Сеть координации институтов». Она действует и способна сейчас донести информацию, грубо говоря, до половины научных сотрудников институтов РАН. И эта система не подконтрольна никакой администрации. Просто были спонтанно назначены координаторы этой системы, которые и распространяют информацию.

А. Н. Привалов

Как работает эта система?

Л. Г. Левков

Эта система в данный момент использует Google-группы, но может легко быть переведена на самостоятельный движок. В этом нет никакой проблемы, у нас технарей достаточно. Просто сейчас Google-группы удобны. Эта система останется, потому что даже сейчас она используется вне контекста протестного движения.

Второе. В связи с консолидацией научного сообщества прошли акции, флешмобы, митинги. Я входил в Оргкомитет митинга 24 августа и хочу поделиться впечатлениями, как это выглядит изнутри. Собрали нас, конечно, философы [Институт философии РАН]. Но собрали они физиков, химиков, биологов, математиков, представителей совершенно разных институтов. Десяток московских институтов РАН. По одному, по два человека из этих институтов осталось в оргкомитете, и они организовали митинг.

Что это значит? Что процесс самоорганизации сейчас — это не только обмен информацией. Это активное взаимодействие сотрудников разных институтов. Сейчас этот процесс имеет вещественную реализацию в виде номеров в моём мобильном телефоне, и контакты оттуда никуда не исчезнут, если всё вдруг отменится. В случае нового блицкрига будет сделано несколько звонков, и половина Академии наук — имеется в виду рядовых научных сотрудников — встанет на уши.

Приведённые примеры показывают, что, может быть, в данный момент из наёмных работников Российской Академии наук формируется сообщество учёных. И с этим сообществом, крайне вредным сообществом, умеющим высказывать своё мнение, придётся иметь дело не только Министерству, но и руководству Академии. Им стоит посочувствовать.

Закончу я на оптимистической ноте. Давайте я преувеличу и скажу следующее. Сейчас меня принято представлять как научного сотрудника Института ядерных исследований РАН. А может случиться так, что лет через пять ко мне будут обращаться как к научному сотруднику Российской Академии наук. Есть разница. Спасибо.

А. Н. Привалов

Спасибо. Ну, что ж, эффективно. Сергей Михайлович Сибиряков, тоже Институт ядерных исследований. Прошу Вас.

С. М. Сибиряков, *старший научный сотрудник Института ядерных исследований РАН*

Я тоже хочу поблагодарить организаторов этого круглого стола за предоставленное слово. Поскольку этот Клуб создавался предпринимателями и учёными, то есть как общественная площадка для диалога учёных со всеми слоями общества, в том числе с предпринимателями, я хочу высказать свои размышления о том, чем бизнес может помочь и какую роль сыграть в развитии фундаментальной науки. В этом смысле я говорю о том, что можно сделать для развития фундаментальной науки в России.

Конечно, фундаментальная наука, и тут я хочу поспорить с Михаилом Ивановичем [Москвиным-Тархановым], не нацелена на то, чтобы давать,

С. М. Сибиряков

вообще, какой-то практический результат. Это не цель науки. Цель науки — это познание, увеличение объёма знаний, получаемых человечеством, то есть удовлетворение одной из естественных потребностей человечества — любопытства, вообще говоря. Все практические приложения в дальнейшем — это побочные эффекты науки. Это то, что не является целью и не играет роли при постановке научных задач. Повторяю, я говорю сейчас о фундаментальной науке. В этом смысле создание атомной бомбы или увеличение обороноспособности страны — это побочный эффект развития фундаментальной науки.

Фундаментальная наука не может дать мгновенный, быстрый результат. И, конечно, идея передать половину институтов Академии наук бизнесу — это полная глупость, потому что бизнес не может массированно финансировать науку. Это глупо, на мой взгляд. Но для того же бизнеса фундаментальная наука играет ключевую роль, потому что она питает цепочку инноваций и в конечном счёте вообще всего развития общества в современном мире.

Давайте, я возьму такой пример. Многие слышали про бозон Хиггса, открытие бозона Хиггса. Кому нужен бозон Хиггса? Никому сейчас не нужен бозон Хиггса. Но в процессе работы над экспериментом, во время которого был открыт этот бозон, были разработаны новые детекторы частиц, то есть новые экспериментальные установки, новые приборы. Это привело к развитию новых технологий. А эти новые технологии могут быть использованы в создании других приборов, в качестве практических приложений в других местах. Дальше эти приборы будут использованы для того, чтобы разведывать новые месторождения, я не знаю, там нефти и газа.

А. Н. Привалов

Сергей Михайлович, в этой аудитории можно не доказывать пользу науки.

С. М. Сибиряков

Да, хорошо, я понял.

Что может сделать бизнес? Проблема современной науки в России, — я считаю, одна из очень важных проблем, — это её замкнутость, очень низкий обмен с зарубежной наукой. Да, многие российские учёные ездят за рубеж, работают там, и здесь проблем нет. Но к нам не приезжают иностранные учёные. Такая асимметрия совершенно губительна для науки, то есть нет живой научной жизни.

Что можно сделать для привлечения иностранных учёных в Россию? Один способ, хороший способ, — это гранты для визитов иностранных учёных с лекциями и семинарами, которые учреждены, например, Фондом «Династия». Это очень хорошее начинание и оно очень полезно. Но это минимальное лечение проблемы. Затыкание тех дырок, которые, вообще говоря, должны быть субсидированы из основного бюджета института.

Более кардинальное решение — это создание какого-нибудь, например, института передовых исследований. По аналогии с Institute For Advanced Studies (как в Принстоне, США). Небольшой институт, небольшое число учёных, постоянных профессоров сконцентрировано на каких-то тематиках с очень большим бюджетом на визитёров. Это был бы переход от консервации к развитию. Достоинство этой идеи — большой бюджет на визитёров. Можно ввести какие-то квоты: допустим, половина визитёров должны быть из России. Это могло бы стать такой точкой роста для российской науки. Российские учёные приезжали бы в этот институт, смотрели, как организована наука, общались с зарубежными коллегами, то есть участвовали бы в этом живом процессе. Это могло бы потянуть за собой всю остальную науку, в том числе академическую и т.д.

Конечно, здесь, наверное, есть много проблем, я не специалист в этом деле. Я понимаю, что существуют и налоговые проблемы, и проблемы законодательства, которые надо как-то решать, чтобы стимулировать это дело. Но эта идея, на мой взгляд, имеет одно преимущество. В нашей стране многие хорошие идеи при реализации могут обернуться своей полной противоположностью. Вот эта идея, мне кажется, не может вызвать проблем. В случае неудачи института просто не будет. При этом всё, что жило ранее, так и останется жить.

А. Н. Привалов

Спасибо, Сергей Михайлович. Игорь Алексеевич Николаев, прошу Вас.

И. А. Николаев, директор департамента стратегического анализа компании ФБК

Мне кажется, то, что сейчас происходит вокруг этого законопроекта — почти закона, так как второе чтение прошло, — это примерно то, как, собственно говоря, и задумывали инициаторы. То есть реализуется именно данный сценарий. И мы, в общем, в этом сценарии исполняем свои роли.

Авторам законопроекта было понятно, что академики возмутятся. Точно также было ясно, что чем-то потом пожертвуют, поправочки примут. На самом деле, всё так и планировалось, в этом я убеждён. Причём это не первая попытка подобного реформирования, академик Полтерович в своём докладе говорил, что в 2006 году было примерно то же самое: превратим Академию в клуб учёных. Испугались, не превратили, но зато президента Российской Академии наук стал утверждать президент страны, чего не было даже в СССР, как известно. Устав Российской Академии наук стало утверждать правительство.

Сейчас всё повторяется, хотя по форме более агрессивно. Я думаю, что после этого, как бы нам ни хотелось, закон будет принят, и отозвать его не удастся. Если, на мой взгляд, смотреть совсем уж реалистично — Академия пока ещё сохранится. Возможно, это будет последний шанс, чтобы что-то действительно предпринять. И здесь уже лучшая защита — это всё-таки нападение.

Да, конечно, Академия сама виновата в том, что до самого последнего времени не появилось по-настоящему внятной программы реформирования. Тогда, ну знаете, получайте вот эту от властей. Надо это тоже признавать. По-моему, непродуктивно говорить о том, что на самом деле Академия эффективна. Проблема-то, безусловно, есть. И в ту, и в другую сторону, как говорится. Тем не менее это не та защита, которая необходима.

Как я уже сказал, лучшая защита — это нападение. Я не имею в виду никакой агрессии. Я имею в виду, что если всё-таки этот последний шанс даётся

И. А. Николаев

и, как говорилось, действительно есть много здравых предложений, надо, чтобы Академия наконец-то предъявила, как она мыслит себе реформирование. Кроме того, параллельно, я думаю, уж коли так общественное мнение на стороне Академии, необходимо проводить несколько важных и значимых мыслей, идей. В частности, о чём уже говорили сегодня, и чем, кстати, обусловлены многие проблемы Академии и науки,— нет спроса на инновации. Да, это так, спроса на инновации нет.

Кстати, господин Москвин-Тарханов говорил о том, что со стороны экономической науки ничего не было сказано. Ну а что же вы хотели, если столько лет фактически не было спроса, востребованности? Двадцать лет назад, в первой половине 1990-х годов, я работал в Министерстве науки. Помню, сам задавал такой вопрос министрам тогда. Понятно, на что мы ориентировались. Я говорю, а у нас есть Институт экономики, вообще-то. Отношение-то было такое: ну и пусть он есть, ну и пусть там какие-то деньги, но нам ничего от него не надо. Ну ничего не надо, мы сами знаем, что делать. Такое отношение к науке было достаточно количество лет. Естественно, если нет спроса, всё атрофируется. Здесь не столько проблема и не столько

беда учёных, но если это не востребуется, — каким бы цветущим деревом ни было, оно будет вянуть.

Почему у нас инновации не востребованы? Собственно говоря, вот это надо показывать: инновации востребованы через прикладные исследования фундаментальной науки. Когда бизнесу нужны эти инновации? Бизнесу нужны инновации, когда без них он не выдержит в конкурентной борьбе. Экономика с невысоким уровнем конкуренции не генерирует спрос на инновации. Это аксиома. Поэтому, когда говорят, а вы там ничего не изобрели, — ребята, а спрос на инновации, а низкий уровень конкуренции — это чья ответственность? А почему у нас низкий уровень конкуренции?

Знаете, есть замечательная статистика Федеральной антимонопольной службы. Все последние годы от 50 до 60% дел о нарушении конкуренции законодательства — это дела в отношении органов государственной власти всех уровней, от муниципального до государственного, — госзакупки и т.д. То есть я просто обязан сделать вывод, что у нас первый враг конкуренции — это власть. Но если вы первый враг конкуренции, нет конкуренции, нет спроса на инновации, — то чего вы хотите от науки? Здесь же цепочка-то простая, на самом деле. И никакие налоговые льготы не помогут. Они могут подсластить, но нет фундамента. Вот это надо проводить и объяснять. В этом, я считаю, лучшая защита как нападение: стрелки должны быть направлены правильно.

Ну, а чтобы не так уж было неприятно, — вопрос о престиже. Надо донести, что фундаментальную науку могут себе позволить страны, которые можно легко пересчитать, а уж фундаментальную науку по всем направлениям — раз, два, и обчёлся. И Россия пока относится к этому числу. Вы любите олимпиады, потому что это престижно? Но фундаментальная наука — это, во-первых, дешевле, а во-вторых, не менее престижно!

А. Н. Привалов

Всё вместе стоит меньше трети одного олимпийского кольца.

И. А. Николаев

Да, недавно мы услышали «оптимистичную» оценку, сколько ушло на Олимпиаду на самом деле. Поэтому надо действовать и использовать появившийся сегодня шанс. Если и сейчас его упустим, тогда уже не о чем будет говорить.

А. Н. Привалов

Спасибо, Игорь Алексеевич. Я только хотел бы заметить — одна деталь, которая сегодня не была произнесена, и видимо, потому что все её знают,

просто выскакивает из речи, не помещается. Последние выборы президента Академии наук, три основных кандидата на должность президента Академии наук пришли со своими программами реформы. И эти программы обсуждались. Программа Фортова есть, и её даже никто не спросил. Так сказать, Владимир Евгеньевич, у тебя есть программа? Какая программа? Ты никто, ты представитель клуба учёных, сиди тихо. Не в том дело, что у академиков нет программы реформы. Никто не поинтересовался. Это просто так, для исторической точности.

Академик Алексей Николаевич Паршин, прошу Вас.

А.Н. Паршин⁴, *заведующий отделом Математического института им. В.А. Стеклова, академик РАН*

Я хочу обратиться к Александру Николаевичу Привалову. В условиях первых дней шока для нас и информационной блокады со стороны всех основных масс-медиа, журнал «Эксперт» был одним из первых, а может быть, и первым из серьёзных бумажных изданий, которые нас поддержали. Огромное Вам спасибо!

Ну, а теперь — знаете, математики не очень любят слишком общие утверждения, и чтобы выразить свои мысли, я хотел бы воспользоваться примерами. Я приведу три таких примера-замечания в связи с тем, что здесь прозвучало и что меня как-то затронуло.

Первое — о консолидации в Академии и в научном сообществе. Но вот здесь молодой человек уже предвосхитил то, что я хотел сказать, поэтому я просто дам несколько красочных деталей. Меня поразило, что молодые люди нашего института, проводящие значительную часть времени за границей, приглашённые докладчики престижных конференций, которые без проблем могут устроиться где-то в хорошем месте, — все они, ну не все, но в подавляющем большинстве единодушно, дружно, без всякой указки, без всякой оглядки на то, что думает директор или кто-то там из старших товарищей, выступили в первые же дни. Написали письмо Путину, начали устраивать митинги, строить эту самую Сеть координации институтов и многое другое. Это совершенно поразительная вещь ещё и потому, что здесь объединились люди, которые между собой в обычной научной жизни очень слабо связаны. Надо сказать, в Академии, в институтах и даже в отделах существует много отдельных изолированных ячеек.

На замечательной фотографии Оргкомитета митинга 24 августа я увидел молодые лица, а рядом их имена, и можно было кликнуть и посмотреть, кто

⁴ Составитель книги «Российская Академия наук. Хроника протеста. Июнь–июль 2013 г.». М.: Журнал «Русский репортёр», 2013.— 256 с.

из них есть кто. И я посмотрел из любопытства. Вот девушка-литературовед, она издаёт собрание сочинений Алексея Толстого, дальше идёт физик, который занимается квантовой теорией поля. Затем философ, изучающий философию жизни Дильтея. Дальше математик, занимающийся аддитивной комбинаторикой. Такое я в своей жизни не только не видел, но даже представить себе не мог, что это возможно.

Они собрались не для обсуждения науки. Но сейчас, кстати, уже решили сделать такой всеакадемический блог, чтобы одни молодые объясняли другим молодым, чем они занимаются. То есть они думают не только о протестах и не только о митингах. Теперь, мне кажется, что бы с нами не произошло, но Академия станет другой, причём другой будет на всех уровнях, начиная с начальства и кончая молодёжью, очень энергичной и независимой. Это первое моё наблюдение и замечание.

Второе. Надо признаться, что исходя из того, что здесь говорили, я должен отнести себя к консервативной части Академии. Это по поводу критики в наш адрес за то, что мы просим денег и не хотим ничего менять. В той части Академии, в институте, где я работаю, конечно, какие-то изменения нужны, но по большому счёту — дайте нормальные деньги, и всё будет очень хорошо. Приведу простую иллюстрацию. Все мы знаем этот знаменитый график роста расходов на науку за последние годы. Они растут по экспоненте, а расходы на Академию — почти по прямой. Из этой экспоненты появились мега-гранты с деньгами, непредставимыми для нашей страны и дававшиеся поначалу только вузовским лабораториям. Например, теоретической лаборатории из нескольких десятков человек, где нет никакого оборудования, кроме обычных компьютеров, даётся в год полтора миллиона долларов.

Для теоретических наук — проблема, как истратить эти полтора миллиона за такое время. Как же они эту проблему решают? Устраивают конференции, одну за другой. На такие деньги можно в течение всего года ездить на конференции. Конечно же, можно пригласить много коллег как из-за рубежа, так и наших учёных для докладов и работы. Проблема лишь в том — а как отчитываться? Как это иногда делается? В такую вузовскую лабораторию рекрутируются люди из очень хорошей, близкой области академической лаборатории. Их включают туда по совместительству, а в конце года то, что наработано в академическом институте, где эти люди работают, спокойно записывается в актив для отчёта своей лаборатории, — уверяю вас, я знаю это из первых рук. Вне всякого сомнения, если бы лаборатория в академическом институте получила такие деньги, то результат был бы, по крайней мере, не хуже. Ну вот как это понимать? Это по поводу денег, о том, что это непростая вещь.

И последнее. Здесь прозвучали замечательные слова, что лучшая оборона — это нападение. Я абсолютно согласен. Академия наук в отношении

А. Н. Паршин

к тем структурам, которые на нас нападали в течение десятков лет, вела себя довольно бестолково. Среди нас есть историки, социологи, психологи, — почему не было ни одного исследования деятельности этого круга людей, нападавших на Академию? Исследования как их конкретных поступков, так и исследование их ментальности. В конце концов, я думаю, это просто другой антропологический тип. Так что не только социологи, а ещё и этнографы могут заняться этим новым племенем.

А.Н. Привалов

Алексей Николаевич, прошу прощения, не далее как сегодня я читал от какого-то, под ником скрывающегося академического сотрудника, блестящий психиатрический анализ Ливанова, блестящий.

А.Н. Паршин

Да, это в Живом Журнале, я знаю. Но, понимаете, это не есть то, что нужно делать спонтанно, когда вас взяли за горло. Академия — это же

серьёзное научное учреждение. Так изучайте, в чём дело-то? Это можно и сейчас делать, независимо от того какие будут приняты решения. Есть огромное количество конкретных, безобразных действий министерства и структур, с ним связанных. Нужны точечные, конкретные разборы. Я приведу только два примера.

Многие, наверное, знают историю с бюджетными местами, которые были спущены вузам. Мало кто знает, что этому предшествовала серьёзная научная деятельность Министерства. Был спущен приказ, в котором выведена научная формула, как подсчитывать бюджетные места. Уверяю вас, это чудо-формула! К сожалению, в Академии, где масса умов, не нашлось человека, который ну посидел бы, я не знаю, несколько дней и показал, какая это, извините за выражение, брехня. Это первое.

Второе — не менее серьёзное. Опять-таки министерство спустило инструкцию, как рассчитывать все институты по классам — на первый, второй и третий. Вы знаете, это было с вузами год назад, теперь — со всеми научными организациями. В основе лежат чисто формальные показатели, исключительно численные вещи. И значительное место там занимает так называемая библиометрика. Это предлагает нам министерство, считая, что мы отстали от передового западного опыта. На самом деле на Западе сейчас так не делают. Возьмём страну классического капитализма Великобританию, где на первом месте для всех наук ставят экспертную оценку, а всякие численные вещи допускаются лишь для некоторых наук в качестве вспомогательного средства. И чтобы завершить на оптимистической ноте, отмечу, что в Великобритании не разрешают использовать библиометрику, по крайней мере, для гуманитарных наук и для математики.

А. Н. Привалов

Это потому, что математика, как мы с Вами оба знаем, и есть гуманитарная наука, может быть, главная из них. Руслан Семёнович Гринберг, прошу Вас.

Р. С. Гринберг *директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН*

Во-первых, я хотел бы, как говорится, покаяться перед Оксаной Генриховной [Дмитриевой]. У нас действительно была эйфория после первого чтения. Вернее, после второго. Вообще-то говоря, мы понимали, что дело ещё не выиграно, но всё-таки что-то мы отыграли. На самом деле, конечно, все это было не верно. Очень хорошо выразился один академик, объясняя, что в действительности произошло. В первом чтении нас раздели догола. Во втором чтении отдали майку — майку! Не трусы даже, а майку. И это сущая правда.

Р. С. Гринберг

Теперь всё-таки о результатах. Мы можем только интуитивно говорить на основании разных слухов, разговоров, как Фортов встречался с Путиным, о чем они договорились. Все мои контакты с академиками и с людьми, имеющими отношение к власти, говорят о том, что ничего не ясно. Я думаю, что 50 на 50. Может быть, наш высший руководитель тоже удивлён такой коллективной солидарностью научных работников, особенно молодёжи. Очень важно, что молодёжь всё-таки на стороне Академии. И поэтому в нашем демократическом обществе остаётся рассчитывать только на здравый смысл руководителя. Одна девушка хорошо написала о трёх главных принципах, на которых основывается всё наше государство. Если раньше было самодержавие, православие, народность, то теперь третий элемент заменён просто: самодержавие, православие, доходность. Здесь недалеко до термина «эффективность». Вот это самое туманное слово.

Что такое эффективность? Какова эффективность сумасшедших военных расходов? Какая? Войны нет. Что, на учениях проверять? Как? И когда нас упрекают в том, что мы не эффективны, возникает вопрос, а как,

собственно, измерять? Академик Осипов привёл интересный факт. Из всех денег, которые выделяются на науку в России, Академия получает 15–17%. И каждый год мы посылаем в контролирующие органы много томов наших научных результатов. Между тем интересно посмотреть, что присылают другие, получающие 85% денег?

Кто может оценить эти громадные груды томов в Министерстве науки и образования? Полагаю, что никто. Так вот, когда речь идёт о том, что Академия не эффективна, нужно понимать, что не измерим сам процесс.

Я футбол очень люблю и хочу по-простому объяснить, что происходит, на примере футбола. Предположим, наша команда в советские времена занимала 2-е и 3-е места, иногда 1-е, сейчас занимает 10-е. Десятое! — применительно к показателям цитируемости, публикаций и т.д. (кстати, не понимаю, почему я должен обязательно по-английски писать о российской экономике, чтобы попасть на какое-то место по цитируемости?). Между тем, даже по самым формальным подсчётам, считается, что российские учёные в Академии наук самые эффективные в мире на единицу затрат. Первое место в мире занимаем! И что?

Так что происходит, что хочет власть? Власть недовольна таким выступлением команды [Академии], хочет её распустить и распределить игроков по тем командам, которые занимают места 14-е, 17-е и 28-е, якобы чтобы подтянуть футбол [науку] в целом.

Как к фундаментальной науке относятся власти? Все власти плохо относятся к фундаментальной науке. Роберт Макнамара, знаменитый министр обороны в Соединённых Штатах, содержал в своём ведомстве лабораторию из очень умных людей. Они занимались какими-то непонятными вещами, но время от времени что-то предлагали. Правительство же и Конгресс всё время нападали: вы платите им большие деньги, а они какие-то чокнутые, ходят в рваных джинсах, и мы не знаем, чем они там занимаются. Короче говоря, Макнамаре под давлением пришлось закрыть лабораторию. Однако потом другие специалисты по вооружению взмолились и попросили вернуть лабораторию обратно, поскольку не смогли продвигаться вперёд без своих креативных коллег.

Нам нужно как-то совершенствоваться. Никто не знает, сколько стоит бозон Хиггса, и никто не знает, сколько стоит уравнение Максвелла или теорема Пифагора. Фейнман, знаменитый американский физик, сказал, что уравнение Максвелла окупило все расходы на фундаментальную науку всех 200 стран мира на ближайшие 200 лет. Потому что благодаря формулам электричество появилось. Но для наших правителей самый идеальный учёный — это Перельман. Выступая на Общем собрании Академии, Владимир Владимирович Путин (он любит пошутить, а в каждой шутке, как известно,

есть доля шутки) сказал, что вы здесь делаете — не понятно; между тем как Перельман,— мы ему всучить хотим миллион, а он его не берёт,— какие произведения создаёт. Мечта!

Теперь самое важное. Экономическая наука почти не имеет никакого значения в Российской академии наук. Но такие законы, как последний, создают экономисты, настоящие профессиональные экономисты. Такие законы — это проявление алчности, лицемерия, невежества.

Возьмём драму Гуриева. Дело в том, что есть власть и есть наука. Если кто-то из науки каким-то образом идёт во власть, то должен понимать, что во власти существуют разные группировки. Придворные экономисты находятся в разных группировках, и побеждает из них то одна, то другая группа. Жертвой такой победы стал Гуриев, который имеет прямое отношение к созданию этого идиотского закона. На самом деле он очень симпатичный, очень милый и очень профессиональный человек. Я совсем не согласен с его взглядами. Однако всё не так просто. Если мы граждане, то должны выступать против его депортации, скажем так, или против его насильственного отъезда. Но надо иметь в виду, что он не совсем независимый экономист.

В этой борьбе, в этой полемике нас ещё не оставляет юмор. Так, академик Рубаков откликнулся на слова премьера Медведева, о том, что «мы хотим помочь науке избавиться от несвойственных ей функций». По словам Рубакова, «это всё равно, что отрезать ноги у человека, чтобы он не заболел об обуви». Правда, на стороне власти — ещё большие шутники. Одна милая дама сказала: мы здесь посчитали — на одного академика приходится 2 га земли, это много. Вот так надо мерить эффективность!

А. Н. Привалов

Спасибо! Но, господа, я вынужден выступить, как выражаются наши реформаторы, у них это любимое слово, с непопулярными высказываниями. Мы с вами очень вольно распоряжались временем. У нас сейчас осталось несколько выступающих. Слово просит ещё Виктор Меерович для краткой реплики, поэтому две минуты на человека. Господин Захаров, прошу Вас.

А. В. Захаров, вице-президент ИК «Еврофинанс»

В ходе сегодняшнего обсуждения предстоящая реформа РАН была названа спец-операцией, подготовка к которой шла уже несколько лет, а началась в конце июня 2013 года. В связи с этим невольно вспоминаются когда-то хорошо известные в нашей стране поэтические строчки: « 22 июня, ровно в 4 часа...». Возникает резонный вопрос: что же все-таки происходит?

Идет ли речь о спецоперации по ликвидации Академии или о реформе этой уважаемой организации? Мнения разделились. Но при любой оценке происходящего вполне очевидно, что на повестке дня — судьба Академии наук.

РАН занимает особое место в нашем государстве. Академия как высшая научная организация страны выполняет важнейшие конституционно-публичные задачи по обеспечению благополучия и процветания России и свободы научного творчества (ст. 44 Конституции РФ). Она несет важнейшие социальные функции, влияет на развитие общества, личности.

Поэтому вопрос о судьбе Академии наук должен решаться не только в ходе диалога власти и ученых, но и с обязательным широким общественным обсуждением предстоящих изменений в правовом статусе и деятельности РАН. Поэтому в первую очередь вызывает сомнение сам формат подготовки и принятия решения по такому судьбоносному вопросу. Получается, что общество не участвует в выработке важнейшего для будущего страны решения. Неужели нынешний уровень отчуждения государства и общества уже не повод для серьезного беспокойства и требуются дополнительные усилия для ухудшения ситуации? Вызывает озабоченность и юридическая сторона дела. И эта озабоченность публично была высказана некоторыми известными юристами. Вот мнение одного из них, изложенное в статье «Верховенство власти над правом», опубликованной во вчерашнем номере газеты «Ведомости»: «Законопроект о реорганизации РАН противоречит принципу верховенства права». И не просто противоречит. Автор статьи считает, что этот «законопроект таранит верховенство права, чем нарушает ст. 1, 2, 15, 17, 18, 24, 35, 44 и 55 Конституции РФ, и поэтому не имеет права на принятие, как попирающий Основной закон».

Существует и другой вопрос: имеется ли ясное понимание того, как должным (или наилучшим) образом изменить отечественную систему управления фундаментальными исследованиями в области естественных и общественных наук?

Многие сторонники ограничения прав Академии аргументируют свою позицию экономическими причинами — в том смысле, что слишком велики затраты, не видно непосредственной отдачи. Одним словом — нет эффективности, а расходы существенны. Допустим, что это так (хотя это утверждение явно не бесспорно и требует более глубокой проработки). В этом ли вся проблема?

Может быть, первичен вопрос, не сколько стоит, а зачем нужна наука нашей стране? Хорошо бы задуматься над тем, какова роль науки в обеспечении конкурентоспособности нашей экономики. Как Россия собирается участвовать в XXI веке в международном интеллектуальном разделении труда? В общем, нужно сформировать Видение будущего науки в Будущем страны.

А. В. Захаров

Без этого Видения нецелесообразно предпринимать какие-либо практические и до конца не продуманные шаги по реформированию РАН. Последствия таких шагов сейчас невозможно предсказать. Можно лишь предположить, что в отсутствие ясного целеполагания вряд ли они будут позитивными.

Есть мнение, что наша страна стоит перед острой необходимостью ускоренной модернизации (политической, правовой, технологической, экономической). Имеется запрос на новую Стратегию развития страны. Если согласиться с такой позицией, то сейчас страна нуждается в консолидации интеллектуальных усилий для разработки соответствующей Стратегии. Основа консолидации — открытый диалог между властью и учеными, а также между властью и обществом. Диалог, в ходе которого стороны слушают, а самое главное — слышат друг друга.

Что касается вопроса о модернизации РАН, то наиболее разумным шагом здесь был бы отзыв законопроекта из Госдумы. Затем следовало разработать и вынести на общественное обсуждение документ под названием «Концепция реформирования РАН: вызовы и перспективы». После

обсуждения и утверждения этой концепции можно вернуться к вопросу о внесении необходимых изменений в действующее законодательство.

А. Н. Привалов

Анатолий Григорьевич Гавриленко, прошу Вас!

А. Г. Гавриленко, *председатель Российского биржевого союза*

Извините, я буду говорить, наверное, несколько цинично. Я не учёный, поэтому мне проще. Первое маленькое замечание. Мы можем возмущаться этим законопроектом — это бесполезно, потому что никто не против, понимаете, все возмущаются. Мы можем издеваться над чиновниками и ругать их — это тоже бесполезно. Ни одного чиновника здесь нет, как бы мы ни старались.

Я лучше попробую ответить на вопросы, которые задал уважаемый председатель. Он задал конкретный вопрос: можно ли отозвать законопроект? Отвечаю: нет, нельзя. По-моему, все с этим согласны. Второе — как минимизировать? Я считаю, минимизировать — надо просто напрячься, и не одну реформу начать сейчас разрабатывать — как реорганизовать Академию, — а в первую очередь, как реорганизовать само Министерство образования. Вот если вы этим серьёзно займётесь, пропишете чётко, какова роль учёных, роль Академии, роль всего остального, — тогда Минобр на ближайшие полгода–год займётся ответом на все ваши предложения. А так как вы по определению умнее — вы сможете аргументированно пройти по всем позициям, которые вы нам сегодня прекрасно изложили. Вы можете всё это разработать так, что никто с вами не поспорит.

Следующий вопрос: что надо сделать для того, чтобы стало лучше? Конечно, вы лучше знаете, что делать в своей Академии, но первое, что надо сделать, — начать с анализа ошибок, которые вы допустили как Академия, и составить перечень правильных выводов. Полностью согласен с госпожой Дмитриевой в том, что вы на самом деле жили — не тужили все 20 лет. Только что господин Егерев сказал, что вы плохо рассказывали власти про свою работу. Вот академик Александров рассказывал власти об этом лучше. Вы плохо учили молодёжь, которая, как сказал господин Полтерович, поверхностно усвоила идеи старших коллег. Кто их учил, этих молодых коллег, как не вы? Вы сами, вот они плохо и усвоили, а вы их выпустили в жизнь.

Вывод поэтому один, и очень простой. Вы были пассивны, вы коллаборационировали, вы простили Гуриева и т.д. и т.д. Так сказать, пока гром не грянет — академик не перекрестится. Гром грянул. Теперь вы должны делать то, что вы умеете лучше всего: думать. Сейчас ваша единственная задача и цель — превратить поражение в победу.

А. Г. Гавриленко

А. Н. Привалов

Задача, и никто, по крайней мере, не скажет, что она маленькая. Она большая.

Прошу — Виктор Петрович Мазурик.

В. П. Мазурик, *доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ им.Ломоносова)*

Позвольте своё «алаверды» добавить. Согласен со многими из выступавших, а последняя реплика почти буквально совпадает с тем, что я хотел сказать. Единомыслие в нашем собрании просто радующее, но, конечно, хотелось бы услышать и точку зрения оппонентов, у которых ведь тоже есть какая-то своя логика. Нужно любыми способами заполучать их на наши обсуждения, убеждая, что это не будет ток-шоу в стиле телевизионных дебатов, где вопросы ставятся исключительно в режиме «или-или». Пора уже от этой изрядно надоевшей логики дизъюнкций переходить к конъюнкциям. Не думаю, что правительство есть средоточие каких-то особых

В. П. Мазурик

порочных личностей намного хуже нас, грешных. Интриги и клановые интересы ведь есть и в науке, и в искусстве, свидетельство чему — печальная судьба генетиков, членов Союза писателей и так далее, травля которых зачастую осуществлялась внутри самих этих уважаемых сообществ. Да и в постсоветское время схожих примеров предостаточно. В отсутствие оппонентов настоящей объективности в дискуссии не добьешься, и не только на защите диссертаций.

Мне хотелось бы верить сегодняшним оптимистическим прогнозам молодых учёных, но судя по тому, с каким спокойствием университетская молодёжь гуманитарных факультетов приняла все крайности образовательной реформы, оснований для этого не очень много. Ещё меньше шансов, что ситуацию можно переломить силами одной Академии наук, которая в свою очередь весьма зависит от системы образования. Последняя же сейчас стоит перед двумя классами проблем — объективных, касающихся всего мира, и наших, специфически российских. В условиях новой информационной цивилизации не может не ускориться естественная эволюция

образовательных стратегий. В Западной Европе уже сложилась концепция Life Long Learning (LLL), в которой главное внимание уделяется экспертизе уровня полученных знаний. Но такое возможно лишь при наличии нормальных связей между бизнесом, системой образования, правительством и т.д. Впрочем, и на Западе есть потери и проблемы. Болонская система вызывает множество протестов у представителей национальных школ, ибо рассчитана, прежде всего, на стандартизацию знания, на подготовку не столько творцов, сколько умелых потребителей и исполнителей — именно в них нуждается современное массовое производство. Так что не стоит приписывать эту идею нашему бывшему министру образования Фурсенко.

А. Н. Привалов

Вы затягиваете нас совсем в другую дискуссию.

В. П. Мазурик

Я просто хотел сказать, что отсутствие нормальных механизмов общественного взаимодействия приводит к тому, что у нас телега всегда впереди лошади, а дом строится неизменно с крыши. Мы всегда лечим не болезнь, а её симптомы, создаём утопические проекты вроде Сколково, вместо того чтобы запустить природную систему кровообращения, не заменяя её искусственными суррогатами. В тех случаях, когда объективные условия (военное соперничество двух сверхдержав и т.д.) ставили перед нашим обществом масштабные и срочные задачи, сами собою возникали нужные связи между образованием и наукой — на Физтехе, в Новосибирском Академгородке и т.д. И сегодня при наличии больших заказов науку не пришлось бы заманивать в ВУЗы, она сама бы с радостью там поселилась. Вот о чём надо разговаривать с представителями правительства.

А. Н. Привалов

Спасибо. Единственное, я должен возразить просто как один из организаторов этой дискуссии и многих дискуссий на наших площадках [журнал «Эксперт»]. Затащить этих людей туда, где у них нет численного преимущества, нельзя. Они не ходят.

В. П. Мазурик

Их надо убедить в том, что это не будет аутодафе, но вполне благонамеренная беседа с целью сближения позиций и выработки оптимальных решений. Мы ведь приглашаем их не в роли мальчиков для битья и сильно мучить не будем.

А. М. Абрамов

А. Н. Привалов

Я им всё говорил, поверьте, и матерное, и ласковое. Я им говорил всё. Они ничего понимать не хотят. Они любят быть в преимуществе. Всё, точка.

Александр Михайлович Абрамов, прошу Вас.

А. М. Абрамов, *директор Московского института образовательных систем*

Я вынужден говорить телеграфным стилем. Предельная жёсткость власти во всей этой авантюре объясняется не только борьбой, так сказать, за имущество Академии. Всё более серьёзно. Наука — это последняя сфера, не контролируемая вертикалью власти.

Далее. Для того чтобы решить задачу, которую мы сегодня обсуждаем, нужно применить метод геометрии. По методу геометрии, чтобы решить задачу на плоскости, нужно выйти в пространство, то есть обобщить эту задачу и получить более широкий взгляд на проблему.

В данном случае закон категорически пропускать нельзя. Во-первых, совершенно очевидно, надуют. Ну какой там клуб экспертов, когда эта власть никаких экспертов не слушала, а дальше и тем более не будет слушать! И, во-вторых, этот клуб ни в коей мере не решает проблему реформирования. Задача реформирования Академии надумана. Задача существенно более сложная: реформирование науки в России во всех её звеньях для того, чтобы обеспечить исторический если не прорыв, то хотя бы подъём страны из той пропасти, в которой мы находимся.

Что с этим делать? Остановить закон можно двумя способами. Первое — провести экспертизу вообще всех государственных решений. В Академии и в науке много голов, которые дадут честную картину того, что происходит в стране. Это страшная вещь для власти. Естественно, и другие прямые формы протеста в союзе, кстати говоря, с работниками сферы образования, культуры и здравоохранения, в которых прошли реформы, и результаты мы прекрасно видим.

Чего можно добиваться? Есть единственный способ решения проблемы. Я приведу пример опыт польской «Солидарности» [польское объединение профсоюзов, 1980 г.], которая протестовала, протестовала, бодалась с властью, а потом появился «круглый стол», как место переговоров между властями Польши и представителями «Солидарности».

Проблемы развития России в начале XXI века при тех стартовых позициях, которые мы имеем, это гигантская национальная проблема. Отечество в опасности! Решить её можно только добившись «круглого стола» по выстраиванию подлинной стратегии развития страны, а не бумажек типа госпрограммы развития образования и пр.

Наступил момент истины: давайте говорить правду! Давайте отнесёмся к этой задаче по-научному — так, как мы это умеем. Задача либо решена, либо не решена. Сегодня она не решена. В частности, очень многое зависит от Общего собрания Академии, на котором должен быть сформулирован этот манифест о создании национальной солидарности, — не только для решения проблем науки, и тогда нас услышат. Я говорю о программных документах — бумаге, которая глаголом лечит сердца людей. Без этого ничего не получится. Да, культурная революция!

А. Н. Привалов

Учёные зовут к здравому смыслу, что гораздо ценнее и гораздо труднее.
Александр Григорьевич Механик, прошу Вас.

А.Г. Механик

А.Г. Механик, обозреватель газеты «Эксперт»

Я хотел бы сказать несколько слов в оправдание Академии и предшествующих двадцати лет молчания, в котором здесь её упрекали. Дело в том, что это касается не только Академии, не только научного сообщества, но и всего нашего общества.

Те радикальные реформы, тот крах, который произошёл в 1990-е годы, деморализовали всё общество, в том числе и научное. И ждать от такого деморализованного общества какого-то протеста, самоорганизации было не возможно. И его действительно не было. И только теперь, когда подросло новое поколение, когда и страна несколько, так сказать, ожила, только теперь и можно ожидать какой-то самоорганизации. И достижение научного сообщества как раз и заключается в том, что это первая социальная страта, которая сумела самоорганизоваться, которая сумела найти организационные формы для своей самоорганизации.

Когда мы задаёмся вопросом, что делать, чтобы не допустить чиновного произвола, — это самоорганизация и совместный протест. Если эта

самоорганизация будет утеряна, значит, и всё академическое и научное сообщество потерпит рано или поздно поражение в борьбе с чиновничьим сообществом. Если же оно не только сохранит самоорганизацию, а сумеет её поднять на новую ступень реальной, а не просто интернетовской организации, то это гарантия, что и в будущем с научным сообществом будут считаться. Кстати сказать, я хочу обратить внимание, что профсоюз Академии наук — это единственный профсоюз, принадлежащий к ФНПР, который занимает активную позицию, то есть проводит митинги, организует разного рода протесты. Этого нет ни в одном другом профсоюзе, принадлежащем ФНПР. Видимо, все общество начинает просыпаться, но только научное сообщество ввиду особенностей его организации сумело сделать это первым. И это крупнейшее социальное достижение нынешнего момента, и важно его не потерять. Это первое.

Второе — здесь прозвучала очень похвальная оценка английских реформ, того, как они проводились. Сейчас вышла книга одного из главных организаторов реформ при Блэре, человека, который возглавлял комиссию по реформам. Как известно, почти все наши реформы в значительной мере проводятся по английским лекалам. Например, реформа здравоохранения. Так вот этот руководитель комитета реформ пишет, что когда Блэр назначил его руководителем реформ, он поставил одно условие перед Блэром: что он не будет обращать внимания на общественное мнение. И мы повторяем буквально то же самое. Реформаторы не обращают внимания на общественное мнение. Так что в этом смысле мы не одиноки.

И последнее. На самом деле проблема ведь не в РАН, когда мы говорим и обсуждаем реформы РАН. На самом деле проблема во всём научно-техническом комплексе нашей экономики. Невозможно реформировать РАН, если у нас нет наукоёмких отраслей, если они в безобразном состоянии. Я недавно писал статью о станкостроительной отрасли. И в том числе о станкостроительной науке. У нас она просто уничтожена, у нас не осталось ни одного научного института, занимающегося проблемами станкостроения. Сейчас её пытаются восстановить. Наконец, государство опомнилось, выяснилось, что нам не продают современные станки для оборонных отраслей, и все бросились восстанавливать. И понятно, что и станкостроение невозможно восстановить без связи с остальными науками. Потому что там возникают вопросы металлургии, материаловедения и т.д. и т.д., целая цепочка. Если Академия наук хочет добиться своих целей, в том числе и сохранения самой себя и достойного места во всей российской системе, она должна добиваться реформы и реорганизации всей этой области. Сама по себе программа реформирования отдельно Академии наук в известном смысле бессмысленна.

А. Н. Привалов

Александр Владимирович Голубев, прошу Вас.

А. В. Голубев, *руководитель отдела Института российской истории РАН*

Я буду оптимально краток. Тем более что многое из того, что я хотел сказать, уже было сказано. Несколько кратких комментариев к сегодняшней дискуссии.

Во-первых, мне очень понравилось высказывание Дмитрия Борисовича Зимина насчёт того, что лягушке нельзя поручать осушать болото. Я с ним абсолютно солидарен. И развивая эту мысль, могу сказать, что осушить болото можно было бы поручить верблюду, например. Однако мне почему-то кажется, что речь должна идти не об осушении болота, а об улучшении болота, о придании ему более комфортного вида, о пользе болота для народного хозяйства. И я не уверен, что реформатор-верблюд в этой ситуации будет более уместен, чем реформатор-лягушка. Если мы хотим болото улучшить, а не осушить. Это первое.

Второе. Оксана Дмитриева совершенно справедливо упрекнула Академию в пассивности, в отсутствии реакции на многие события, реформы и т.д. Но, однако, позволю себе напомнить, что когда проводились реформы образования, я не припомню, чтобы вузовское сообщество сколько-нибудь значимо выступало против них организовано. Были какие-то отдельные выступления, отдельные фигуры, но большинство ректоров, например, просто предпочло поторговаться и добиться каких-то уступок. Когда шла реформа в здравоохранении, за исключением доктора Рошалья и ещё двух-трёх человек, которые на слуху, я не припомню какого-то массированного сопротивления медиков этой реформе. Так давайте начнём с того, что если представители образовательного сообщества не выступают против реформы образования, а медики — против реформы здравоохранения, — причём тут Академия наук? То же самое Гурьев — он не имеет отношения к Академии наук, он представитель вузовской науки и вузовского сообщества. Почему наши ведущие университеты дружно не выступили в его защиту? Академия наук, конечно, проявляла пассивность, но, по крайней мере, не в большей, а я бы сказал, в меньшей степени, чем другие социальные страты нашего общества.

О консолидации Академии наук. Я могу честно сказать, мне она кажется пока недостаточной. Но она есть, и она намного выше, чем в других профессиональных сообществах. Чуть ли не единственный предшествующий пример — это пенсионеры, которые сумели добиться корректировки реформы, связанной с монетизацией льгот. В последнее время довольно

А. В. Голубев

активно автомобилисты выступают против нарушений на дорогах. Вот, пожалуй, и всё.

И последнее. Как историк я просто не могу удержаться от конкретной исторической справки. Сухой закон в истории России был принят только один раз — в начале Первой мировой войны. И его действие предполагалось прекратить с окончанием Первой мировой войны. Временное, а за ним и советское правительство — в годы Гражданской войны — оставили в силе все ограничения, действующие в рамках «сухого закона», и официально они были сняты в августе 1923 года.

А. Н. Привалов

Спасибо. Академик Владимир Борисович Бетелин — прошу, Ваша реплика.

В. Б. Бетелин, *директор НИИСИ РАН, академик, член Президиума РАН*
Вы знаете, мне кажется, что надо говорить не о реформе науки, и даже

В. Б. Бетелин

науки в целом, а о реформе реформ, которые проводятся в стране,— экономических реформ. Начинать надо с этого. Если мы будем заниматься деталями, то мы ничего не получим. Поэтому надо начинать с реформы реформ, а если не начнём, то так и будем заниматься деталями.

А. Н. Привалов

Спасибо. Слово для реплики Виктору Мееровичу Полтеровичу.

В. М. Полтерович

В выступлении г-на Мазурика прозвучала мысль, что мы, вообще-то, во всём друг с другом согласны. Могу сказать о себе. Я согласен примерно с 50% высказываний, и думаю, что многие выступавшие, на самом деле, полемизируют друг с другом.

Например, один из важнейших вопросов — природа явления, с которым мы столкнулись. Когда я стал этим заниматься, первая гипотеза, которую я пытался проверить — а действительно ли дело просто в имуществе?

Я не нашёл никаких оснований для того, чтобы эту гипотезу хоть как-то подтвердить. Отъём имущества — это не цель, это средство. А цель — лишить самостоятельности очень важный институт гражданского общества — Академию наук.

Не случайно (я просто не успел об этом сказать в выступлении) буквально за две недели до атаки на Академию наук было нападение на НКО. Между прочим, то, что произошло с Гуриевым, это отчасти следствие как раз этого нападения. Целый ряд членов Академии подписали протест против закона об НКО. Можете заглянуть на сайт АНЦЭА — Ассоциации независимых центров экономического анализа, — там стоят подписи. Мы расходимся с Гуриевым по очень многим пунктам, но я искренне сожалею о том, что с ним произошло. Собственно, я и выразил эту свою точку зрения, подписав письмо с протестом против закона об НКО.

Что бы там ни было дальше, борьба всё равно будет продолжаться. Излишний оптимизм, мне кажется, здесь не уместен. Единство, которое мы наблюдаем сегодня, возникло в результате чрезвычайных обстоятельств. Закон был подан в такой демонстративной совершенно абсурдной форме, что все остальные разногласия отпали. Мы имеем дело с серьёзным оппонентом, который изменит стратегию, и тогда разногласия, существующие в академическом сообществе, могут выйти на первый план, если только не произойдёт объединения на основе какого-то дела, ну, кроме того, что мы все занимаемся наукой.

Одним из таких дел может быть проект реформы. Здесь совершенно справедливо говорили о том, что рассматривать нужно проект реформы науки в целом. Кроме того, реформа не должна останавливаться, поскольку однократные действия здесь ни к чему не приведут. С чего надо начинать? Мне кажется, что должна быть создана рабочая группа. Ещё лучше, если две рабочие группы, конкурирующие друг с другом за некоторое время, — а это должно быть время достаточно большое, например, год, — разработают основные положения такой реформы. Затем проект должен быть подвергнут всестороннему обсуждению и стать законом, который мог бы быть хоть в какой-то степени реализован.

Ещё один пункт. Есть тенденция упрощать проблему. Нельзя останавливаться на тезисе «дайте нам немножко денег — и всё расцветёт». Нет свободных денег; чтобы дать их больше науке, нужно взять их откуда-то из другой статьи расходов, а это затронет людей, которые не без оснований будут этому сопротивляться. Значит, нужно делать реформу в тех условиях, в которых мы находимся. По мере изменения условий мы будем получать шансы на дальнейшие продвижения. Точно так же нельзя рассчитывать на то, что бизнес немедленно полюбит инновации. До поры до времени

ничего не поможет, в том числе и налоговые скидки. Надо научиться жить и проводить реформы в тех условиях, в которых мы на самом деле живём.

А. Н. Привалов

Спасибо! Да, это чрезвычайно важно. Значит, Дмитрию Борисовичу хотел со всей почтительностью попенять: Вы нам на Гуриева отняли треть заседания, хотя мы не собирались Гуриева обсуждать, Господь с ним! Значит, я хотел бы сказать вот что.

На мой взгляд, то, что говорилось сегодня, свидетельствует о том, что сложность момента понимают все, о том, что ценность консолидации действительно острой, неожиданной и действительно ещё недостаточной, понимают все. О том, что навязанные никому неведомыми авторами этой бумаги идиотские разговоры о реформировании РАН путём откусывания у неё того и сего не решают никакой проблемы и даже никакой проблемы не поднимают, — это понимают все.

Единственное, чего никто не понимает, — каким образом удержать на поводке того же Ливанова, того же Фурсенко, того же Кузьминова в течение того самого года, которые Виктору Мееровичу нужны для того, чтобы сделать хотя бы черновые проекты дальнейшего продвижения. Этого не понимает никто, и этот вопрос сегодня не затрагивался. Единственное, что люди говорили о том, что надо, по-видимому, Академии проявить больше твёрдости. Наверное, это правда. Посмотрим, как они поведут себя, в том числе некоторые из наших сегодняшних участников, в понедельник, 9-го числа.

Но что очень важно понимать? Да, Академия наук — это ядерный щит Родины, который уже уходит в прошлое, и вместо которого надо что-то делать, а отдельные лаборатории ничего вместо не сделают. Да, Академия наук — это престиж. Большая наука была в истории человечества ровно два раза — у американцев и у нас. Была ещё у немцев, но они её сами развинули. Три раза, и очень жалко из этого суперэлитного круга выпадать, это всё правда.

Не сказана ещё важнейшая деталь — для чего остро нужна Академия? Для того, чтобы мы были собой, чтобы мы осознавали, что мы — это мы. Гуманитарное образование в стране разгромлено. Последним остатком исторического самосознания, последним остатком культурного самосознания являются несколько институтов Академии наук, которые, конечно, страшно неэффективны, которые, конечно, страшно скверно распоряжаются своей недвижимостью, которые поэтому надо убить. А это тоже надо иметь в виду.

Спасибо, господа, за участие. Будем надеяться на лучшее!

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий
«Академия и власть: предварительные итоги лета-2013».
Выпуск 63 — М., 2013. — 82 с.

Законопроект «О Российской академии наук...», предполагавший превращение Академии с многолетней историей в «клуб ученых» и вынесенный на обсуждение в Госдуму в конце июня, резко повысил градус летних каникул для академического сообщества. Повсеместно прошли внеочередные заседания, митинги, были подписаны обращения научных работников к руководству страны. Накануне осенней сессии Госдумы прошла Конференция научных работников РАН, собравшая большое количество участников из разных регионов страны, состоялись внеочередные заседания Президиума РАН и Общее собрание РАН. Академики подготовили поправки к проекту ФЗ. Со всеми поправками, кроме одной (объединение академий), согласился президент страны. Появилась надежда: слову президента доверяли.

Заседание Никитского клуба, стенограмма которого содержится в данной книге, прошло в преддверии ближайшего вердикта со стороны Госдумы. К тому времени, когда книга была подготовлена к печати, Госдума в течение дня в режиме военного времени приняла законопроект во втором и третьем чтениях. Важная поправка к ФЗП о сохранении статуса институтов РАН была отклонена. Вариант решения нижней палаты законодателей академическое сообщество восприняло как разрушительный для отечественной науки.

ББК 72.471.1(2Рос)

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 63
«Академия и власть: предварительные итоги лета-2013»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева
Фото Московской Биржи
Вёрстка М. Ю. Иванюшин
Подписано в печать 25.09.2013.
Заказ 11030.

© Московская Биржа, 2013
© Никитский клуб, 2013